

Дина Зарубина

МАГИЯ УЮТА

1

18+

Дина Зарубина

Магия уюта - 1

<https://litres.ru/74451274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выпускница магической академии Ирма, квалифицированный бытовой маг-универсал, получает предложение о работе. Ее работодатель черный маг, увлекающийся изобретательством. Ему очень нужен маг-прикладник. Ирма не настроена на сотрудничество, но хочет узнать о судьбе пропавшего братишки. Да и дома у нее творится неизвестно что, родители просят не приезжать и не возвращаться. Новые места, новые люди, приключения и загадки прошлого.

Содержание

Пролог.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дина Зарубина

Магия уюта - 1

Пролог.

Зовут меня Ирма Эль Тиман, я бытовой маг. Дипломированный бытовой маг, как видно из приставки к фамилии¹.

Когда поступила на первый курс, я познакомилась с отличными девчонками. С Солейн Эль Фада, или попросту Салли, мы проучились за одной партой три года и жили в одной комнате. Сейчас она отстаёт на курс, потому что родила ребеночка. С ним нянчится ее муж, виверна Люсинда и стадо пушных пауков, а она доучивается.

С Дженни Нейл, она служила ассистентом в доме профессора Ямбира, мы познакомились на бесплатных лекциях. Каждые две недели самые видные профессора столичной академии обязаны читать лекции в Главном лектории для всех. Это ещё прадедушка нынешнего короля устроил, Эндикотт Строитель.

Не думайте только, что король заставляет работать почтенных магистров бесплатно. Профессоров много, получается две-три лекции в год, от этого ещё ни один профессор

¹ По приставке можно судить по направленности магии. Мар - черные маги, Ока - земельные, Нир - огненные и т.д.

не умер. Зато у любознательных горожан и гостей столицы есть шанс познакомиться с одним из аспектов магической науки, а у профессоров есть возможность рассказать о своем предмете так, чтоб слушатели захотели учиться именно по этой специальности. Все довольны.

Так вот, Дженни сначала служила на почте, считалась нео-даренной и, откровенно говоря, денег у нее не было. У меня тоже не было.

Нет, моя семья вполне зажиточная, у нас огромная ферма в Гедарефе, просто меня хотели замуж выдать, когда определили магию в крови. Но замуж за противного сына соседа мне не хотелось, я сбежала, чтоб поступить в академию.

Мама знала, конечно. Она благословила меня, вручила тайком кошелек с полсотней далеров, строго сказала, чтоб не транжирила, на эти деньги мне предстоит год жить и учиться. А там отец сменит гнев на милость, она его уговорит. Все-таки первая образованная магичка в роду – это совсем неплохо!

На самом деле, не первая, но про это у нас в семье не говорили никогда.

Моего маленького брата Тармеля забрала тайная стража, когда ему только семь исполнилось. Мы все видели, что ему удастся договориться с собаками и кошками, овцами и курами, лошадьми и коровами. Радовались, в таком большом хозяйстве без зверомага никак! А оказалось, что у него ментальная магия. Они все состоят на учете, все подписывают

договор с короной, в общем, никакой личной жизни и счастья у них не бывает.

Я брата с тех пор и не видела. Мама, да и я, втихомолку надеялись, что в столице нам удастся встретиться.

Но когда приехала, поняла, что это глупые мечты.

Народу в столице пропасть, я столько в жизни не видала! Люди, как река, по улице идут сплошным потоком. Если добавить кареты, всадников, портшезы и разносчиков, то суতোка выходит адская. Меня первые дни все толкали и ругали, потому что я ходила, разинув рот. После приноровилась, конечно. Научилась обходить людей и не зевать по сторонам.

Но поняла, что Терри мне не сыскать, просто бродя по улицам. Он, скорее всего, учится в какой-нибудь закрытой школе, куда мне никак не попасть. И знать про такое не положено.

Я поступила на бытовой факультет, заселилась в общежитие и радовалась жизни. Столица, это все-таки не наша глубинка! В общем, половину денег я размотала за три дня, даже не заметив, как и на что.

Стипендию платить обещали, но ее хватит только на канцелярские принадлежности. Хорошо хоть, студентов кормили в столовой по жетону факультета, а то бы голодать пришлось. Но хотелось ведь и одеться красиво, и в театр сходить! Хоть на самые дешевые стоячие места, но это ведь тоже пол-далера!

Роясь в лавке старьевщика в поисках приличной вещи, ко-

тору можно перешить, освежить и подогнать на себя, я и заметила знакомое лицо.

Дженни было хуже, чем нам, она сирота, жалованье на почте просто крошечное, а ей ведь еще питаться надо, и за квартиру платить. Но она никогда не унывала, руки у нее на месте, и вставлены нужным концом. Она очень интересовалась магией, мы естественно, тоже, планы строили на будущую жизнь самые радужные. Бытовые маги, они же везде нужны!

Потом я познакомилась с Леонардом Цунхве, и влюбилась по уши. Да в него нельзя было не влюбиться! Такой красивый, так небрежно откидывал со лба золотистые кудри, и камзолы у него были с вышивкой, а рубашки белоснежные, с кружевами.

Он был страшно раздосадован тем, что его определили на бытовой факультет, но у него на стихийные уровни не хватало. Или зельеварный, или наш. И там, и там полно девчонок, парни редко туда идут. Не интересно им такое. Но на артефакторном мест уже не оказалось. Не помогло даже дальней родство с бургомистром столицы.

А его приятель Филипп Нуаре пошел на бытовой факультет сознательно. Смеялся, что пульсарами швырять особого ума не надо, но в любой армии солдат надо кормить, одежду стирать, ночлег устраивать. В общем, метил в военные интенданты. Оно, может, и не так почетно, как боевым магом, зато сытно и спокойно. Часто они спорили с Лео, какой фа-

культет лучше, а что толку спорить, если слабосилков на боевое не берут, хоть ты графский сын, хоть сам граф. Да и принца бы не взяли, а Филипп был всего лишь баронетом.

Филу очень глянулась Салли. Мы гуляли вчетвером, потом в нашу компанию добавился Реми. Он вообще был простолюдин, и ему как раз прочили боевое направление, с его высоким уровнем, но он не захотел. Крестьяне народ осторожный, не рожон лезть не любят.

Из-за упреков в трусости сначала они с Лео подрались, потом с Филом, а потом они стали друзьями. Все равно Реми дадут дворянство, когда он академию закончит, а в самой академии титулами сверкать не принято. Никакого преимущества это не даст, а вот стыдно может быть, что благородный и титулованный успевает хуже, чем крестьянский сын или дочка мастерового.

Ну, я и познакомила Реми с Дженни. Как раз тогда приехала катабская принцесса Эллибет, невеста принца Даэнира. Дженни с Реми гулять гуляла, но без всяких романтических мыслей, хотя парень он приятный. Куда лучше моего соседа из Гедарефа. Но до Лео ему далеко было, понятное дело.

А потом хозяйка прогнала Дженни с квартиры. Лео (он такой великодушный!) отвел ее к профессору Ямбиру, ему требовалась неодаренная помощница. Так Дженни стала у профессора работать. Он ей даже разрешил лекции с первым курсом посещать, у нее такое рвение к учебе было, что становилось неловко, что мы студентки, а она нет. При ней ле-

ниться стыдно, как посмотрит укоризненно, так руки сами учебник хватают.

Как-то потихоньку мы узнали, что Дженни, оказывается, замужем, но от мужа сбежала. Муж у нее пограничник и служит страшно далеко. Сильно обеспокоенной за него она не выглядела. Говорила, жить с ним не будет, потому что ее замуж обманом выдали.

Зимой меня бросил Лео. Сказал, что дура-первокурсница ему не нужна. С меня никакого толка нет, а он парень здоровый, ему, кроме поцелуев, другое нужно. Стал ночевать у третьекурсницы с целительского. Девчонки меня поддерживали, а Дженни замолвила словечко, профессор Ямбир решил нам помогать в лаборатории, простенькие заготовки собирать. Сложное-то мы бы и не смогли пока. Руки заняты, девчонки отвлекают от грустных мыслей, так постепенно и рассосалась боль от предательства. Не хотелось уже бежать топиться и считать, что жизнь кончена.

Зимой столько событий случилось, что даже не знаю, о каком рассказывать первым. Заготовки наши, оказывается, от нечисти в Чародейном лесу помогали, Дженни выдали медаль от правительства. И к медали кучу денег. Она ужасно обрадовалась, потому что у нее родовое поместье в полном упадке, а теперь можно начинать ремонт. Она нам все уши прожужжала своим поместьем и яблоневыми садами.

Неожиданно Салли разругалась с Филом. Он сказал, что ему папочка-барон не позволит жениться на простой бести-

тульной дворянке, тем более, что магии у нее кот наплакал, ему бесталанные дети не нужны. Если уж без титула и богатого приданого, то хотя бы с высоким уровнем магии, чтоб дети получились гарантированно одаренными.

Салли в академию приняли вообще сверх набора, потому что у нее всего-то четыре искры было, при минимальных шести. Приняли в надежде на старательность и трудолюбие. Дженни ей накопители подарила, так это для Салли лучше всякой бриллиантовой короны, она хоть могла домашку делать без слез, не в пять приемов, как обычно.

Поскольку мы продолжали заниматься вместе и много времени проводили за отработкой заклинаний, то заметили, что Дженни тоже магичит. Не так, как мы, по-другому. А потом до меня дошло: то, что мы делаем маной и заклинанием, она делает силой мысли. Дженни оказалась ментальным магом, и я заставила всех нас поклясться молчать и никогда никому не говорить про это.

Тайна! Я не хотела, чтоб Дженни забрали, как Тармеля.

Дальше все завертелось, как в сказке. Дженни оказалась женой старшего принца. Мы чуть не умерли, когда узнали. Она скрывала. Вот вам и пограничник! Но принц Даэнир, и правда, многие годы провел в крепости на границе. С Дженни они помирились. Принцессу Эллибет выслали из страны, потому что второй жены даже принцу не полагается.

Принц Даэнир, черный маг, стал королем, потому что у него очень болел отец, король Роланд, а Ламберт, его млад-

ший брат, отказался от престола. Совет магов взвился на дыбы: как это так, черный маг и вдруг король? Даэнир взял и разогнал весь Совет. Потому что Совет для короля, а не король для Совета, магам слишком давно никто отпора не давал. Нашу Дженни обвенчали с Даэниром по второму разу, чтоб при всем народе, и короновали. Наша подружка стала Ее величество Эухения, вот!

Мы с Салли грустили ужасно. Нет, за Дженни мы рады были. Но подругу мы потеряли. Так мы думали. У нее теперь совсем другая жизнь и другие общество, балы, маскарады, аристократы выются...

Но Дженни вернулась к профессору и начала строить ему новую лабораторию. Сказала, что во дворце скука смертная, ей такая жизнь совсем не по нраву. Велела нам хорошо учиться, потому что летом она обязательно поедет в свое поместье и нас возьмет на все каникулы.

Лето действительно вышло незабываемым. Мы познакомились с фрейлинами и камеристкой королевы, с черным магом Эмметом Мар Абеша, навели шороху на всю провинцию, а у Салли с магом завязался бурный роман.

Вообще к черным магам стали относиться намного мягче. Не так, как раньше, когда их обвиняли во всех несчастьях и пугали ими детей. Еще бы, король Даэнир сам черный маг! Даже факультет заново открыли темномагический.

Через год королева родила тройню, а мы с Салли закончили второй курс. Салли с магом поженились, Дженни им

подарила соседнее поместье, сказала, что ей без надобности, а им надо где-то растить маленьких черных магов.

Мы переписываемся, но нечасто. Дженни, как всегда, ужасно занята и деловита. Фрейлины Эрика, Ирис и Камилла – хорошие девушки, но они родовитые аристократки, хоть и отнеслись ко мне вполне доброжелательно, а все же я им не ровня. Я это чувствую и со своей дружбой не лезу.

Хотя наверняка мне бы было полезно такое знакомство: папа у Ирис, например, главный церемониймейстер двора, а у Эрики Ока Рунду вся семья сильнейшие земельщики, где какой серьезный проект, так они непременно участвуют, и наверняка могли бы пристроить бытового мага в хорошее место.

Но я так решила, что всего добьюсь сама. Дженни же добилась!

В Фулирии вон, принц Руэн неженатый до сих пор. Дженни хоть и говорит, что он говнюк еще тот, и в заговоре против Кэллавейна участвовал, но принц ведь! Значит, просто обязан жениться на бедной девушке! А иначе к чему все эти сказки?

Отец меня, кстати, так и не простил за самовольство. Мама хоть и пишет, что он втайне гордится мной и хвастается, но денег не прислал ни разу, и ответов я не дождалась на поздравления с праздниками.

На четвертом курсе я нашла работу приходящей служанки. По понедельникам убиралась в особняке патера Деверо,

а по четвергам у вдовы Севьер. Работа скучная, но денежная. Денег мне хватало, ужасно не хватало только Салли и наших посиделок.

На пятом курсе работодатели начали вывешивать на доске возле столовой вакансии для целителей, артефакторов, зельеваров и бытовиков. Я с огорчением поняла, что девушке без титула и связей безумно обрадуются в храмовом госпитале, общественной прачечной и приюте. Стало обидно. Вечная стирка и уборка меня не привлекали. Я пять лет училась! Неужели только для того, чтоб всю жизнь выводить пятна с простыней и мыть полы?

Дженни предлагала ехать к ней в поместье, но у нее сады, а к земледелию и садоводству у меня, к сожалению, никакой склонности нет. Даром, что все детство в деревне провела. Могу, умею, но не люблю. На сезон нормально, но заниматься этим всю жизнь мне бы не хотелось. Если уж ехать в провинцию, так у нас своя собственная ферма имеется, отец живо найдет мне дело, и жениха заодно.

Хотелось чего-то необычного, интересного, увлекательно-го!

Я хоть и бытовой маг, но мы почти три года вместе с Дженни возились с приборами магистра Ямбира. Он кстати, стал уже архимагом. А мы наострились в магической сборке и сварке. Я все три года ходила на факультатив по артефакторике, меня хвалили. Бытовые артефакты – это ведь тоже артефакты, они нужны всем, в отличие от боевых, защитных

или разных профессиональных и узкоспециализированных.

– Что, Ирма, желаешь к нам экономкой устроиться? – раздался знакомый голос.

У меня все внутри заледенело. Я все-таки ужасно любила Леонарда и потом ни с кем не могла встречаться. Все были не такие. Недостаточно достойные моего внимания. Девушкой до последнего курса дошла.

– Ты сам справишься, зря учился, что ли? – фыркнула, стараясь удержать равнодушное лицо.

– Я учился не для того, чтоб работать, – насмешливо улыбнулся Лео. – А чтоб контролировать слуг.

Лео подрос, раздался в плечах и стал еще красивее. Мужественнее. На внешний вид, во всяком случае. Одевался он всегда щеголевато, и денег на одежду не жалел. Это не Реми, который всю учебу проходил в одном кафтане, купленном на вырост.

Вот характер значительно хуже стал: у Лео и так самоуверенности было хоть отбавляй, а девчонки его испортили своим вниманием. Я знала лишь примерно, сколько он девушек сменил за это время. Не одна слезами умывалась из-за его синих глаз и золотых кудрей, а пара десятков. По четыре-пять за год.

Но глупое сердце шептало, что никогда, никогда я такого больше не встречу и не полюблю.

– Так если экономкой, то лучше к нам, а не к Малакалю! – не отходил Лео.

– Да что ты прицепился?

– Ты десять минут уже пялишься в его объявление!

Удивленно моргнула. Действительно, стояла я напротив объявления, написанного крупным округлым рондо. Не рассказывать же, что я совсем о другом думала!

– Малакаль – черный маг! – продолжил Леонард. – И живет аж в Берсебе.

Вчиталась. Ого, а жалованье очень достойное! Прямо скажем, высокое.

– Да не возьмет он тебя! Он мужика ищет на хозяйство, ему вертихвостки надоели! Три месяца и замуж, толку с вас ноль. Реми уже собрался к нему завтра с утра бежать!

– А, ну пусть бежит, – сказала, сразу теряя интерес. У Реми уровень такой, что его с руками оторвут. Да и в Берсебе мне нечего делать.

Диплом получила, ректор пожал руку, декан улыбнулся и пожелал удачи, а куратор группы утерла слезу. Но она дама добрая и впечатлительная.

С утра я бегала, подписывала обходной лист. Библиотека, столовая, общежитие, склад.

– Консультация юриста по трудоустройству не нужна? – моргнула близоруко за стеклами очков секретарь деканата. – Место уже себе нашли?

– Пока нет. Отдохну, в себя приду. – Сессия и защита были очень трудные, нервные, отдых мне не помешает. – Съез-

жу домой к своим, осмотрюсь, посоветуюсь, потом решу вопрос с работой.

На выгоревших голубых обоях в белую полосу темнели прямоугольники на местах, где висели плакаты с магической напряженностью и проводимостью материалов. Через десять дней начнется набор абитуриентов и вступительные испытания. Интересно, кто будет жить в моей комнате? Жеманная роковая красotka, бегающая на свидания, или серьезная упорная девушка? Или вообще пара веселых парней?

Я получила нужные печати и пропуск за ворота академии. Вышла с чувством легкой грусти.

Сколько же всего случилось за эти пять лет! Сколько зубрежки, бессонных ночей, экзаменов, практик и зачетов! Это были трудные пять лет. Но счастливые, несмотря ни на что. Даже разочарование и неудача в любви... буду считать ценным опытом. Мне на будущее наука, не таять от смазливового нахального мальчишки. Титул – это шелуха, нам важнее потроха.

Молодая, образованная магичка, симпатичная, с фигурой все в порядке, что я, свое счастье не найду? Куда оно денется?

Однoгруппники решили сегодня кутить в таверне, обмывая диплом. Я не пошла. С ними у меня не сложилось таких теплых отношений, как с Салли, или Дженни, мне было безразлично, что они обо мне думают. Парни будут привычно вести себя королями, а подвыпившие девчонки нач-

нут вешаться им на шею, могут даже дуэль устроить. Смотреть противно. А вот съездить к своим можно. Я так давно маму не видела.

Поэтому направилась напрямиком на вокзал и взяла билет до Гедарефа третьего класса. Так дешевле, а далеры надо экономить. Я ведь пока не нашла работу, а в общественной прачечной меня примут с распростертыми объятиями в любое время. Правда, много там не заработаешь.

В тупичке вокзала стоял почтовый киоск, я написала открытку и приложила копию диплома. Пусть папа повесит его на стенку и всем хвастается. Пусть ему будет стыдно, что он ни разу мне не ответил на письма. За что он так со мной? Я ведь не связалась с проходимцем, не родила внебрачного ребенка, не торговала собой, ничем не запятнала честь семьи, наоборот, закончив обучение, маг получает личное дворянство. Герб мне не положен, это только потомственным, а я первая в роду дворянка.

Похуже дети бывают. Намного хуже, а их все равно любят и заботятся.

Валиться, как снег на голову, все же не слишком удобно, поэтому я выбрала открытку с видом столицы. Я всегда оплачивала десять слов ответа, но папа не ответил ни разу. Портальная экспресс-доставка обошлась мне в три далера.

«Транжирство»! – сказала бы мама.

Зато получают они его через четверть часа. Хорошо бы прикупить столичных сувениров, и я бездумно осматривала товар в многочисленных киосках облепивших по периметру зал ожидания. Конфеты или чай? Шарфик или шаль?

– Донья Эль Тиман! – почтовичка вдруг высунулась из

окошка и начала искать меня глазами. – Донья Эль Тиман!

– Я, – с удивлением вернулась к киоску. Адрес указала правильный, ошибки быть не должно. Почта рядом с фермой, только с взгорочка сбежать, мальчишка за пять минут обернется.

– Вам ответ, – почтовичка протянула бумажку.

Что? Ответ? Неужели? У меня руки задрожали, когда я разорвала бумажку вокруг крошечного свитка.

«Не приезжай никогда не возвращайся не пиши люблю целую мама». Это что? Какая-то глупая шутка?

– Что-то не так? – Почтовичка стрельнула любопытными глазками.

– Все в порядке, – бледно улыбнулась и отошла в сторонку. Села на жесткую скамейку. Перечитала. «Люблю, целую» мама писала всегда, это точно в ее стиле. Но остальное? Что-то, несомненно, случилось. Меня не хотят видеть дома и рады не будут. И что делать?

Но бумажка ответа не дала, как бы я ее не рассматривала. В конце концов, я ее смяла и отправила в утилизатор. Определенно, планы надо менять. Ехать туда, куда просят не возвращаться, глупо. Вдруг там маньяк орудует? Или наша ферма разорилась? Или большая группа нечисти вырвалась из Чародейного леса и напала на Гедареф? Правда, по дороге она должна была разорить и уничтожить Опусу, Омеруру, Цехейм и еще парочку городов...

Ладно, для информации есть газеты и библиотеки. Я не

слишком-то интересовалась новостями из родного края, вот и восполню пробелы. А билет сдам в кассу. Точно! Чем раньше сдам, тем больше денег вернут. Бодро засеменила в кассу.

Почтовичка уже умильно улыбалась какому-то широкоплечему мужчине в сером сюртуке. Когда я прошла мимо, она вдруг посмотрела на меня и громко заявила:

– Да вот же она! Донья Эль Тиман!

Мужчина стремительно обернулся и заступил мне дорогу. Я перевела недоуменный взгляд с почтовички на него.

– Дон? – спросила вежливо.

– Донья Эль Тиман? Бытовой маг? Третья в выпуске столичной академии?

– Да, а что...

– Чудесно! – обрадовался неизвестно чему мужчина. Улыбнулся и поклонился почтовичке, отчего та зарделась, как летняя роза. А меня мужчина бесцеремонно подхватил под локоть. – Это все ваши вещи?

– Да, – ответила, все еще ничего не понимая. – Вы кто?

– Ваш новый начальник! – мужчина вынул саквояж из моих рук и потащил меня по перрону. – Вообразите, донья, не нашел никого подходящего, собрался уже возвращаться, а мне срочно нужен бытовой маг!

– Всем нужен бытовой маг! – я попыталась вырваться, но куда там! Мужчина оказался невероятно силен, и тащил меня за собой, как ветер пушинку. – Сидел в зале ожидания и вдруг слышу вашу фамилию. Какое счастье, что я вас встре-

тил!

– Что-то не уверена, – пропыхтела я, перебирая ногами мимо вагонов скоростного поезда «Клэйн-Берсеба-Варнбад». Новенькие вагоны светились кристаллами-накопителями и блестели голубой краской.

– Наш вагон! – меня подтолкнули к лесенке.

– А у меня нет билета! – громко объявила я, радуясь озабоченности, возникшей на лице упитанного проводника.

– У меня есть! – взмахнул радужными листочками мой похититель.

Проводник тщательно проверил билеты артефактом и довольнo кивнул.

– Ваши купе два и два-А, прошу вас, дон, донья. Добро пожаловать на «Голубую стрелу»!

Я рот открыла и забыла закрыть. Фирменный поезд! В нем принц Ламберт на курорт в Варнбад ездил после ранения! Тут роскошь невообразимая и цена запредельная. Куда я попала? Меня сейчас в долги вгонят и заставят отрабатывать? Но я платить за это не собираюсь!

Легкий толчок в спину (почти в спину) направил меня внутрь вагона, застеленного голубой ковровой дорожкой.

– Вот мое, а вот ваше купе. Располагайтесь, донья Эль Ти-
ман! – незнакомец распахнул дверь, и я замерла в ступоре.
Купе? Да это целая квартира! Два дивана и столик меж-
ду ими, хрустальные канделябры, бархатные шторы. Дверь

налево – ванная комната, дверь направо – спальня. Шкаф, торшер, кресло. Да у меня в общежитии кровать была уже! А торшера и кресла не было, не говоря уже о ванне...

Незнакомец, пользуясь моим замешательством, вдруг надел мне на руку тонкий браслет с серым матовым камушком.

– Это что? – отшатнулась я, дернув за украшение.

– Сторожок для детей. Вы же думаете выскользнуть из поезда на следующей станции? Сторожок этого не даст сделать. Повторюсь, мне нужен бытовой маг.

– Повторюсь, всем нужен бытовой маг! – я гневно посмотрела на незнакомца, но мои взгляды на него не подействовали. А магией я как-то не сообразила воспользоваться. Очень растерялась. Теперь и не смогу, защитка не даст. Детский сторожок признает авторитет старшего, будь то няня или гувернантка, и не дает ему навредить.

– Располагайтесь, полчаса вам хватит? Через полчаса зайду, мы сходим в ресторан, поужинаем и обсудим вашу новую работу.

Я вошла внутрь и захлопнула дверь перед его носом.

Нет, ну какая наглость! Мне, взрослой самостоятельной девушке, детский сторожок! И как он догадался, что хочу сбежать?

Кресла оказались невероятно упругими и мягкими, колеса стучали успокаивающе, а столица проплывала мимо.

Саквояж! Он же остался у похитителя и сейчас он в нем роется! Я было подскочила, а потом снова плюхнулась в

кресло. Не роемся. Кроме меня, его никто не откроет, уж замок-то я на себя настроила. У меня с собой осталась сумка, висевшая на плече. В ней все важное: документы, деньги, косметичка, расческа и зеркальце. Все нормально, все на месте.

Обратная дверь купе оказалась зеркальной, и я увидела, что мне не помешало бы умыться и причесаться. Что же мне, на ужин растрепой идти?

Я умылась, вытерлась белоснежным хрустнувшим полотенцем, и решила, что подписывать невыгодный контракт меня никто не заставит. В Кэллавейне рабства нет! Заурчавший желудок подтвердил, что пора ужинать. Его проблемы рабства не волновали.

За окном смеркалось, бледные звездочки робко загорались на небосводе, а мы мчались вдаль мимо предместий столицы.

– Донья, вы готовы? – в дверь постучали ровно через полчаса.

– Всегда готова, – хмуро ответила, открывая.

А ведь интересный мужчина, вдруг отметила факт, ранее ускользнувший от моего внимания. Высокий, плечистый, чуть выющиеся каштановые волосы чуть ниже ушей, светло-карие глаза. Загар свидетельствует о том, что он много времени проводит на воздухе. Одежда обычная для зажиточного горожанина. Серый сюртук, обшитый черным кантом, узкие черные брюки, заправленные в сапоги, белая рубашка,

зеленый шейный платок. Так может одеваться кто угодно, от клерка до судейского чиновника.

Я чуть не рассмеялась, обнаружив, что мы удивительно похоже одеты. На мне был тоже скромный, но приличный

костюм: темно-серая юбка до щиколоток, кремовая блузка с защипами на груди и небольшим рюшем на стойке, и серый жакет в талию. На ногах высокие ботинки.

Мы оба будто собрались вместе на прогулку в Королевский парк. Мужчина подал мне руку, и мы чинно проследовали в вагон-ресторан.

Меню соответствовало классу поезда. Лосось под сырной шубой с брокколи, жареные кальмары со стручковой фасолью, запеченные баклажаны с креветками, а названия салатов и десертов мне вообще ни о чем не говорили, хотя по кулинарии у меня была твердая пятерка.

– Позвольте представиться, дон Малакаль. Габриэль Мар Малакаль.

– Но Малакаль черный маг! – я замерла с ножом и вилкой над стейком из лосося.

– Вы думаете, я расхаживаю в черном плаще с капюшоном в сопровождении скелетов и свежеподнятых зомби? – усмехнулся мой визави².

– На такое сопровождение нужно разрешение от властей. Я близко знакома только с одним черным магом, он ходит с виверной. Вернее, она ходит за ним.

– У меня нет виверны, – мрачно ответил сотрапезник. – Они редкие.

– А кто есть?

² Визави, (фр. vis-a-vis) «друг против друга», человек, располагающийся напротив, лицом к лицу.

– Вам весь список?

– Вы меня пугаете. Мы ведь не в Чародейный лес едем?

– Мы едем в Берсебу. У меня там имение и мастерская. Я нахмурилась.

– Подождите. У нас висело объявление... Вы приглашали на работу бытового мага!

– Да! И крайне разочарован, что вы не пришли на собеседование!

– А должна была?

– У меня весь ваш курс перебивал... Но я взял список в деканате первой десятки лучших выпускников. Вы не пришли! – Габриэль осуждающе махнул вилкой.

– Первым был Филипп Эль Нуаре, вторым Реми Эль Гуччо. Они мне не подошли. Первый карьерист, второй чересчур силен, какой дурак взял его на бытовой факультет?

– Впервые слышу, чтоб магу отказали из-за того, что он слишком силен! – фыркнула я. – У меня десять искр, а у него шестьдесят.

– Но это не значит, что он в шесть раз лучше вас. Голая сила еще не все.

Я промолчала. Потому что в душе соглашалась с его словами. Я сама так же думала. Реми часто делал задания на сырой силе, не особенно заботясь о чистоте и тонкости работы. Мог себе позволить, а я – нет.

– Затем прибежала куча разряженных болтливых девиц, еле разогнал их! А вы не пришли.

– Я не собиралась ехать в Берсебу. Мне сказали, что вы ищете мужчину на хозяйство. И я не хочу становиться экономкой. Это скучно.

– Да кто же вас возьмет экономкой в двадцать лет? – изумился Габриэль. – Это же полная власть в доме, над слугами и кухней! Третье лицо дома после хозяина и хозяйки! Раньше сорока нечего и рассчитывать на такую высокую должность!

– Тогда не понимаю, зачем вы меня похитили. У меня были другие планы, – хмуро ответила на эту сентенцию.

– Вы мне нужны, – наклонившись и проникновенно заглянув в глаза, выдал маг.

– Для черных ритуалов? Простите, но нет.

– Естественно, для черных. Какие же еще ритуалы может проводить человек с моей фамилией, – обидчиво заметил маг. – Как у вас с ритуалистикой?

– Отлично.

– А по рунам?

– Тоже отлично.

– А с фулирским, чапильским и старовойнским языками?

– Вам секретарь нужен? – вытаращила я глаза. – Переводчик? Или делопроизводитель?

На такие должности всегда брали воздушников. При чем тут бытовая магия? Строго говоря, это магия трансформации, просто объем сил совершенно не годится для применения в военных целях. Отсюда слегка презрительное отноше-

ние боевиков и мощных стихийников к бытовым магам. Но ни одному бытовику незнание чапильского не мешало еще заниматься кулинарией или уборкой! Или цветочной рассадой. Или шитьем.

Черный маг замялся. А я рассматривала его со всей внимательностью. Как живописец натуру. Нет, не похож на черного. Да он даже не брюнет!

Вот король Даэнир жгучий брюнет, сразу видно, какой в нем поток. Еще бы блондины стали представляться черными магами, тогда мир точно бы перевернулся с ног на голову.

Впрочем, не мне осуждать человека, накормившим меня такой вкуснятиной. В столовой академии попроще готовили. Раз так в сто. Да и у нас дома особых разносолов не водилось. Кулинария у нас шла два года, готовить я умела (даже Лео научился варить манную кашу без комков), так что отличную работу повара могла оценить.

– Клейма на артефактах часто бывают фулирские, – объяснил Габриэль. – Надо будет переводить, да, и делать инструкции для рабочих.

– Я не артефактор, – сухо напомнила. – Не думаю, что вас интересуют осветительные, кухонные, швейные или вязальные амулеты. Те разберу, соберу и напитаю с закрытыми глазами. Вы собираетесь открыть ткацкую мануфактуру? Ателье?

Нет, ну зачем смеяться? Самое то занятие для черного ма-

га! Как увидит неустойчивая дамочка-модница новую восхитительную ткань, так брешь в бюджете и седые волосы у мужа и образуются. Вкупе с подорванной психикой. Разве не черное дело?

– Жалованье двадцать пять далеров и премия!

Дженни у профессора двенадцать получала! Я уставилась на мага в безмолвном удивлении. За такое жалованье он мог нанять человека с опытом, а не желторотую выпускницу!

– Проживание, питание, – Дон Малакаль подумал и добавил: – Одежда. Столичная не подойдет, там совсем другой климат.

– Вы контрабандой занимаетесь? Безакцизные артефакты изготавливаете? Запрещенные зелья? – за что он собирается мне платить такие деньги?

– Нет-нет, все абсолютно законно! – поднял ладони маг. – Давайте приедем, я вам все покажу и объясню. Тогда и заключим договор. Идет?

– По рукам.

Я приободрилась, сообразив, что прямо сейчас меня не собираются связывать подозрительным контрактом.

За два дня, проведенных в поезде, я отоспалась, отъелась и нашла, что это забавное приключение. Я ведь не знала, куда идти и что делать. Не успела решить, а дон Малакаль сыграл роль случая. А случай, говорила Дженни, великое дело. Все можно продумать и спланировать до мелочей, а вмешается случай, и все посыплется карточным домиком.

Ну, или обернется дождем неожиданных благ. Совершенно незаслуженных.

Приятно чувствовать себя значимой персоной, которую везут с королевским комфортом и убеждают в ее великих талантах. Ведь никто больше из нашего выпуска ему не подошел! Одна я самая умная, умелая, рассудительная, аккуратная. Все похвалы я выслушивала, благостно кивая. Приятно же!

Слышал бы Лео! Но Леонард знал мне цену и неоднократно за последние два года подкатывал, как осознавший ошибку и раскаявшийся. Просил дать второй шанс. Только на самом деле ему нужна была рабыня для выполнения письменных и практических работ. «Тиман, дай списать», ага! Его гарем плохо справлялся, Лео кое-как переползал с тройки на двойку. Постельные умения еще не все.

Правда, Дженни бы сказала, что надо держать ухо востро: когда тебя так кормят и захваливают, это явно не просто. Бытового мага можно в условиях попроще привезти, но раз дон оплатил два роскошных купе... проситься в третий класс выглядело бы совсем уж по-идиотски. Понятно, что дон Габриэль темнит. Ну, так черный маг, ему по натуре положено.

В Берсебе я никогда не была. Поэтому оглядывалась с любопытством.

Вокзал располагался в тяжеловесном старом здании желтого цвета, с полукруглыми окнами и высокой крышей. Се-

редина здания было повыше, на треугольном фронтоне красовались явно старинные часы с коваными стрелками, по бокам к фронтому лепились две узкие высокие башенки.

От привокзальной площади разбегались лучиками улицы, застроенные милыми особнячками.

Дон Габриэль безропотно тащил оба саквояжа, свой и мой, я скромно шла следом, крутя головой.

Небо было жемчужно-серым, но где-то за этой перламутровой пеленой светило солнце. Жарко светило, надо сказать:

я расстегнула жакет через десяток шагов и платочком коснулась мокрых висков.

– Здесь такой климат, донья, – повернулся дон Габриэль. – Никогда не бывает голубого неба и яркого солнца. Берсеба находится в долине между двух хребтов, влажный муссон с Сингайского залива сталкивается с горами и превращается в легкие слоистые облака. Тут всегда пасмурно, но зато тепло.

Еще ужасно пахло пряностями, а именно – острым перцем. Он витал в воздухе, я несколько раз чихнула. Неужели несколько уличных жаровен создают такой флер? У меня в носу все время щекотало от непривычных ароматов.

– Тут используют много перца, чтоб компенсировать влажность воздуха, иначе будут болеть кости, – черный маг указал на открытый экипаж, запряженный парой лошадей.

С облучка спрыгнул чернявый ловкий парень, взял оба саквояжа и выдвинул складную лесенку.

– Вы хотите разместиться и отдохнуть или сразу поедem смотреть фронт работ?

– Я отлично отдохнула в дороге, давайте посмотрим, чем вы меня вынуждаете заниматься, – буркнула, обмахиваясь платком. Жакет вовсе придется снять, а то сжарюсь. Плевать на приличия! У меня уже блузка к спине прилипла.

Архитектура Берсебы оказалась своеобразной. Не фасады, а сплошные террасы, балконы, крытые галереи и открытые многоярусные башни. Чтоб хоть как-то создать сквозняк, чтоб продувать помещения.

Мы проехали несколько улочек и оказались на широком проспекте, посредине которого вели хоровод цветущие крупными белыми цветами деревья. Никогда таких не видела. Высокая зеленая изгородь защищала нянечек с колясками, прогуливающих по розовой плитке этого бульвара. Мелькнула краешком площадь с фонтанами и коваными фонарями, башня ратуши, купол храма. Все, как у людей. Только посреди должны быть рыночная, торговая площадь, а тут совершенно тихо и пусто.

– О, нет, муниципалитет запретил торговать перед ратушей. – Тут же ответил дон Габриэль на мой вопрос. – Рынок, это всегда шум, грязь, вонь. Тут живут аристократы, им это не по душе. Поэтому рынки смещены к окраинам, их четыре: Обжорный, Сельский, Ремесленный и Механический. И торговцам удобнее, въехал в ворота, вот тебе торговые ряды, не надо кружить по городу. Главное, выбрать нужные ворота.

– Ясно, – отозвалась я.

Обжорный – понятно, всяческая снедь, Сельский, наверное, семена, саженцы, животные, живая птица; с Ремесленным тоже понятно, горшки, кадушки, утварь, ткани... а что продают на Механическом? Не слышала, чтоб Берсеба была известна, как центр сложных технологий.

В столице имелась Механическая слобода, там работали кузнецы, ювелиры, часовщики, механики-артефакторы, и купить там можно было все, от шестеренок до накопителей, от змеевиков до телескопов. Дженни часто туда ходила по

поручениям профессора, много раз я увязывалась за ней. Но целый рынок? Любопытно будет посмотреть.

Мы проехали чистенькие аккуратные домики с палисадниками, миновали реку по мосту. Дома стали попроще и выше, а балконы поуже и покороче. Такие дома в столице стояли на Илангали, улице приезжих. Сплошные доходные дома. Хочешь апартаменты на весь этаж? Имеются такие. Хватает денег только на крошечную каморку под крышей? И это найдется!

Затем исчезли эркеры и лепнина, колонны и статуи, террасы и балконы, окна просто доходили до пола и оканчивались невысокими решетками. Между домами сушилось разноцветное тряпье. Сновали люди с тюками и корзинами, дети рылись в канавах, одетые в дырявые лохмотья. Не трущобы, но близко к ним. Переулки, узкие и темные, разрезали кварталы, будто кто-то сверху разрезал город на треугольные куски, как огромный торт.

Затем начался район мастерских, фабрик и мануфактур. Приземистые здания, каменные заборы, широкие ворота, снующие повозки и телеги. Грохот машин, лязг железа, шипение прессов.

– Вижу, вам привычна такая музыка! – снова обернулся он Габриэль.

– Я из столицы, а не из захолустного села, – сухо ответила. Да Берсеба по сравнению со столицей сама – село.

Экипаж въехал в очередные ворота и остановился у высо-

кого ангара из красного кирпича. Интересно, зачем кирпич, если в этом климате хватило бы дощатого сарая? Или вовсе навеса? Наверное, огнеупорный, решила я, разглядывая ровную кладку с чуть поблескивающими защитными плетениями.

– Идемте!

Мы вошли в прохладное гулкое помещение. Высоченное и просторное, хорошо освещенное. На стенах висели инструменты, полки заставлены коробками и ящиками, у стены верстаки с тисками.

А в центре этой мастерской висело на тросах что-то похожее на заостренный цилиндр. Под цилиндром болталась металлическая корзина с пропеллером.

– Это что?

– Это наш «Покоритель небес»! – с гордостью сказал Габриэль. – Воздухолет.

Я скептически подняла брови. Мальчишки обожали обсуждать такое на парах, утверждая, что за техномагией будущее. Магов слишком мало, их услуги дороги. Для сильных магов доступна левитация и порталные камни. Обычные люди пользовались гужевым транспортом, речным и морским. Камни переноса ужасно дорогие, но никто их не отменял, если уж приспичило срочно и далеко ехать. Заставить же человека залезть в корзину и болтаться там на огромной высоте... по мне, так за это приплачивать надо.

Из корзины высунулись две лохматые головы, перемазан-

ные смазкой. Из-за корзины вышли еще трое рабочих в кожаных фартуках. Они смотрели на меня так, будто я забыла утром надеть юбку. Такое бывало, когда я пару раз заучилась до четырех утра, но под ученической мантией никто ничего не заметил! Но сейчас-то с моим костюмом все в порядке.

– Мастер, это кто? – раздался осторожный вопрос.

– Вы просили бытового мага. Я достал вам самого лучшего! – Радостно улыбнулся Габриэль.

– Дон, – с досадой сплюнул один мастеровой. – Девка ведь!

– Не годится она, – согласно прогудел второй.

Ближе подошел самый старший из работяг.

– Нам нужен квалифицированный бытовой маг, – повторил он. – Опытный! Само собой, парень! А не магичка! Нам искусство выщипывания бровей ни к чему! Тут цех!

– Я дипломированный бытовой маг-универсал, – с обидой сказала я. – А характер работы ваш дон Малакаль объяснять отказался! Я и сама в вашем грязном цеху не останусь! Всю жизнь мечтала в мазуте ходить! Контракт я не подписывала, так что желаю вам всех благ!

– Сеймур! Ты не прав! – воскликнул дон Габриэль, хватая меня за локоть. – Зачем девушку обидел? Ты же не знаешь, чего она стоит!

– И так ясно, не справится!

Я закатила глаза. Тут ничего не поделаешь.

Редко, но случались клиенты, которые категорически не

хотели работать с женщинами. Вот не авторитет, и все. Несмотря ни на какие дипломы, ни на какие законы, таланты и умения. Баба годна только для постели и рожать детей. Все. Спорить бесполезно. Таким хоть кол на голове теши. Они признают, что женщина что-то может, только если та будет на три головы выше всех других специалистов. И все равно уважать не будут. Ненавидеть, да, пакости подстраивать. Дженни этого нахлебалась выше крыши, но она королева, ей достаточно цыкнуть или Даэниру пожаловаться.

Оно мне надо, доказывать упертому, перемазанному мазутом мужику, что я хороший специалист? Да плевать мне три раза с ратуши! Уверена, в их бюро трудоустройства для бытового мага найдется не меньше трех десятков вакансий! Я гордо выпрямилась.

– Дон Габриэль, отпустите! Я не стану работать с этими людьми. Зря вы не взяли Реми, он бы тут, как свой, был.

– Так был парень, а вы не вяли? – ахнул мастеровой. – Притащили девку?

– Молчать! – рявкнул дон Малакаль. – Сеймур, заткнись, иначе я тебя вышвырну! Донья Ирма, вы будете тут работать. Потому что я так сказал.

Мы с Сеймуrom посмотрели одинаково недружелюбно на дона Габриэля.

– Где это видано, инженера выгонять из-за какой-то... – проворчал мастер.

– В Кэллавейне рабства нет. Не хочу и не стану работать,

– я скрестила руки на груди, глядя с вызовом на дона Габриэля. Вот сейчас он как посчитает растраты, да ка-а-ак пригрозит мне судом... Плевать! Отработаю. Только не тут и не с этими мужланами. Не позволю садиться мне на шею и относиться свысока.

Дон Габриэль смерил свирепым взглядом своих работников и повел меня за локоток в угол.

– Донья Эль Тиман. Имя Тармель Тиман вам ни о чем не говорит? – тихо спросил Габриэль.

Из меня будто сразу весь воздух выпустили. А потом меня охватил гнев.

– Семушка, ты зря переживал, справится девка, – заметил подручный Хаген, наблюдая, как тело черного мага взмывает вверх и бьется плашмя об потолок.

– И то, пожалуй, – согласился Сеймур, крикая и приседая от пласта обрушившейся штукатурки.

– Нет зверя страшнее обозленной бабы, – меланхолично стряхнул белые ошметки мастер Саймон.

Силы кончились внезапно и сразу. Перед глазами замелькали зеленые круги, я пошатнулась. Маг с шумом обрушился плашмя вниз, но вскочил злующий, как осьмилап после зимней спячки.

– Да как?! – заорал он. – Как вы это сделали? У меня же щит!

– Не орите, дон Малакаль, девушка перенервничала, ей

отдохнуть надо и сладкого, – меня крепко и бережно подхватили под локти с двух сторон.

– Донья, извиняйте, ошибочка вышла, значицца, простите за грубость, – заглянул мне в лицо озабоченный Сеймур. – Видно, что вы не столичная фифа, а свой человек, рабочий... дело поймете. Извиняйте!

Я ощутила, что меня усаживают в кресло, а в руки дают большую кружку с горячим компотом. Компотом?! Глядя на них, я бы предположила, что они пьют самогон. Горлодер какой-нибудь на свекле или репе.

Компот оказался ужасно сладким.

– Я три ложки меда положил, – просунул голову самый молодой. – Дон Гэбри, как переутомится, завсегда такой пьет!

– Спасибо, – от ударной дозы сладости действительно стало легче дышать и круги перед глазами рассеялись.

– Я старший инженер Сеймур Орт Муни!

«Надо же, дворянин и маг воздуха», – отметило сознание.

– Это мастер Тобиас Крейг, Саймон Мун Дарри, наш артефактор. А Винки, Мишель и Хаген студенты-механики, будущие воздухоплаватели.

– Ирма Эль Тиман, – я слабо пожала широкие крепкие ладони, наспех вытертые ветошью.

– Ирма, как вы пробили мой щит?! Каким заклинанием? – черный маг пробился ко мне и впился тревожными глазами.

– Любой щит представляет собой плетение. – Язык пока

вяло шевелился, и я прикрыла глаза, глотая сладкий компот. – У вас оно достаточно плотное, надежное от любой атаки на физическом уровне. От боевой магии тоже. Но три микромагеля свободно пропускает между тяжами энергии. Я использовала заклинание для вскрытия консервов.

– Консервов?! – черный маг выпучил глаза. – Мой щит взломали консервным ножом?

– И заклинанием для сушки габаритного белья. Портьер, балдахин... не встряхнешь, не высушишь.

Остальные заржали и начали хлопать друг друга по плечам.

– Так, на сегодня хватит, все познакомились, я отвезу донью домой, ей отдохнуть надо, у нас на завтра полно работы, – заторопился черный маг.

Ноги еще слушались плоховато, Габриэль практически обвил мою талию рукой.

– Приходите, донья, будем ждать! – крикнул студент. Мишель, кажется.

Габриэль доволоч меня до экипажа.

– Если вы думаете, что шантажом заставите меня сотрудничать, то в ошибаетесь! – прошипела я, цепляясь за лацканы сюртука. Были бы силы, встряхнула, а так держалась, чтоб не упасть. Никогда не ощущала такой слабости, я вообще-то очень уравновешенный человек.

– У вас раньше не случалось выплесков?

– Гордитесь, вы смогли его вызвать! Что вам известно о

брате?

Черный маг без труда оторвал мои слабые руки от своей одежды и усадил меня в коляску, подперев подушками, чтоб я не упала. Сел напротив меня. Видно было, что говорить ему ужасно не хочется. Но он же первый начал!

– В Берсебе находится специализированный интернат для одаренных детей, – скривившись, выдавил он.

Сил хватило только фыркнуть.

Да Дженни три года добивалась реформы образования, чтоб эти интернаты открыли! Магии с малых лет учиться надо, мало вовремя обнаружить, так еще и родители бывают против. Одного мальчишку-воздушника мы от папаши-сапожника отнимали с полицией. Дескать, он честный человек и жизнь прожил без всякой магии, а если сына колотить, морить голодом и запрещать колдовать, так он тоже будет честным человеком и проживет свою жизнь не хуже других, а дворянство за развитый дар – это блажь и излишество.

В общем, двухлетние начальные школы магии королева Эухения превратила в полноценные пансионаты-интернаты, откуда юному магу была прямая дорога в колледж. А особо отличившимся – и в академию, королевскую стипендию платили из казны. Честно говоря, проект ужасно затратный, пришлось преодолевать еще и противодействие Совета магов. Его хоть собрали заново из людей, лояльных новой власти, но какой же маг будет радостно растить себе конкурентов?

Ее фрейлина Камилла параллельно искала талантливых ребятишек, кто мог бы обучаться музыке, танцам, актерскому мастерству, живописи и прочим искусствам. Тоже ведь магия, только другая!

Неудивительно, что интернат есть и в Берсебе. Они сейчас, как грибы по всей стране растут. Потому что молодые маги – это будущее. Это сила Кэллавейна, это щит и мощь страны. Король Даэнир королеву полностью поддержал в этом вопросе. В Катабии вон, довыдывались, всех собственных магов извели, теперь просят наших, то с погодой помочь, то с плодородием почвы подсобить. Варвары, одним словом.

– Как знаете, я черный маг. – Лицо у дона Габриэля было такое, будто у него все зубы разом заболели.

Я немножко отошла от выплеска, подействовал мед, поэтому поудобнее устроилась на подушках и продолжила сверлить мага неприязненным взглядом. А еще подумала, что я счастливица!

Пять семей черных магов в стране, и с большей частью я уже знакома. Король – раз, все же мы с Дженни были дружны, я его много раз видела и разговаривала. Мы на «ты» общаемся. Салли с ее заполошным природником, два. Черный маг на кафедре живой природы, это я вам скажу, нечто! Ладно, пушные декоративные пауки, баловство, но ведь и огнеройки, и туманники, и огненные крабы, иглохвосты и спинобрюхи, все это было его рук дело. Чародейный лес объяви-

ли заповедником, чтоб сохранить часть творений его необузданной фантазии. Хотя в жизни Эммет Мар Абеши застенчивый, стеснительный и слегка рассеянный. Но Салли и сыночка он обожает, за плохого человека я бы подругу не отдала!

Теперь этот, уже третий черный маг на моем пути. На внешний вид ничем от других людей не отличается. Даже довольно симпатичный мужчина. Хотя на симпатичных у меня сразу негативная реакция.

Есть еще на взморье какие-то два семейства, но я собрала и так приличную коллекцию, считаю. Кто-то за всю жизнь столько черных магов не встретит, сколько я.

– Что я из вас, каждое слово клещами тянуть должна?

– Школа ментатов, дети... нуждаются в общении с магами разной направленности. Для оттачивания дара. А я единственный маг с черным потоком, понимаете? Приказ короля – содействовать обучению. В качестве тренажера, если угодно. Один день в неделю я провожу там.

– Вы видели брата? – выпрямилась я.

– Видел, – неохотно выдавил Габриэль. – Ирма, учтите, что это уже не тот милый мальчик, которого вы помните! Сколько лет прошло?

– Шесть. Вы хотите сказать, что он меня не узнает?

– Я пытаюсь вам объяснить, что вы не узнаете его. Ему сейчас тринадцать. Он... очень способный. Один из лучших учеников школы. Талант! С ним лично занимается ректор

академии в Аминуэйсе, он бы хоть сейчас его забрал в академию, но надо пережить взросление. Все же в академии студенты будут намного старше его. Поверьте, мне очень жаль, что так вышло.

– Как вышло? Я вас сейчас укушу, честное слово!

– Характер у него не самый приятный...

– Не вам судить о его характере! Что вы хотите от мальчика, которого забрали со стражей из дома! Я помню, как он плакал и кричал! Тянул к нам руки! Ему всего семь было!

– Он считает, что семья его предала и ненавидит вас. Простите, Ирма.

Я нахохлилась и погрузилась в размышления. Учитывая странную записку от мамы, дома что-то непонятное творится. Спросит брат о маме и отце, что я ему скажу? Я уже хотела узнать, как получить свидание, ведь вряд ли мелкие ментаты бегают по городу, как уличные мальчишки. Наверняка их охраняют, да и горожан охраняют от них. Одно дело, булку с лотка попросить без денег, другое – пожар устроить или внушить ссорящимся людям подраться... менталистам такое раз плюнуть.

– Приехали, – рука мага была крепкой, сухой и теплой. И подал он ее вовремя.

Все равно ему не верю, потому что он мне не нравится!

– Я подумал, что вам приятнее будет жить в доме, чем в квартире. Все-таки зелень, да и приватности больше. Прошу, – Дон Малакаль протянул мне длинный ключ на цепочке.

Домик был хорошенький, как игрушечка. Веранда вокруг всего фасада, белые столбы и балясины, голубая штукатурка. На втором этаже балкон, с полотняным навесом от солнца. Высокая крыша, узкие окна. Перед домом дорожка, обсаженная цветущим шиповником. Надо же, белый, а не розовый, прелесть! Обязательно утащу саженец. Хотя тащить-то мне его некуда.

Дон Габриэль поставил мой саквояж на веранду.
– Все меня зовут дон Гэбри, я не возражаю, если вы тоже меня так будете называть, – немного смущенно улыбнулся

маг.

Покатала имя мысленно на языке. Кивнула. Гэбри, как дебри. Ему идет.

– Я снял этот дом на полгода, но если вам тут понравится, можно его выкупить. Внутри все необходимое для жизни есть, я позволил себе купить продуктов на первое время, бытовые маги обычно предпочитают готовить сами. Но в конце улицы есть таверна, а за углом несколько магазинов. Отдыхайте, Ирма, я заеду за вами завтра в восемь.

Прыгнул в коляску и был таков!

Я в досаде топнула ногой. А поговорить? А договор заключить? Что от меня нужно этой странной компании ненормальных воздухоплавателей? Уж точно не новые шторы с рюшками в цех! И про Тармеля у меня миллион вопросов!

Но не бежать же за экипажем!

Я развернулась, уставила руки в боки и уставилась на дом. Ну, здравствуй, мой новый приют.

Ключ мягко и бесшумно повернулся в двери, я вошла в холл. Лестница наверх, слева гостиная-столовая, справа кухня. Чисто. Как маг, ручаюсь, влажная уборка производилась буквально вчера и весьма тщательно.

Действительно, полки и шкафчики в кухне оказались заполнены запасом круп. Чай, кофе, сахар, соль, печенье, все новое, в нераспечатанных упаковках. Даже бутылка вина стоит, хотя магам вино нельзя. Стазис-ларь порадовал кус-

ком вырезки, связкой сарделек, головкой сыра, бочонком масла, огромной жареной курицей и блюдом золотистых пирожков. Предусмотрителен маг!

Хотя он скорее всего, просто распорядился сделать запас. Какой мужчина позаботится, чтоб купить пряности или зелень! И хлеба нет. Придется идти самой. Чуть позже.

Не могу сказать, что я большой любитель поесть, но после выплеска у меня просто живот подвывал, требуя его заполнить.

Ну что же, добро пожаловать в Берсебу и приятного мне аппетита!

Я вытащила блюдо с курицей и поставила его на стол. Восхитительный аромат защекотал ноздри. Приборы и тарелки оказались, где и положено, а я с жадностью оторвала куриную ногу и вгрызлась в нее.

Все-таки у черных магов не отнимешь, они знают толк в еде! Даже и без хлеба курица была великолепна. А пирожки оказались слоеные, с мясом, с соком...

Я прикончила десяток пирожков и отдуваясь, откинулась на спинку стула. Нет если так лопать, двери в доме придется расширять. Навалилась сонливость. Пожалуй, не будет лишним поспать часок-другой.

На втором этаже оказалась спальня, при ней гардеробная и ванная. Узкая лесенка вела наверх, но я решила обследовать чердак позже. Глаза слипались.

Быстро умылась, скинула обувь и рухнула на кровать. Кстати, широкую и довольно жесткую. Но меня это уже не интересовало.

Проснулась через два часа абсолютно отдохнувшей и бодрой. Умылась, выпила чашечку кофе, развесила свой скромный запас одежды. Нашла единственное легкое платье из жатого муслина. В столице я его носила с летним пальто из тяжелого шелка. Шикарную вещь высмотрела у знакомой торговли подержанными вещами и привела в порядок. А по местной погоде платья вполне достаточно. И чулки явно лишние.

Выйдя из дома, осмотрелась. Заборы и ограды, увитые вьющимися лианами, мелкая плитка под ногами. Для начала надо обойти квартал, посмотреть, что тут есть. Пожалуй, придется купить платок на голову и плечи. При такой жаре я быстро стану загорелая, как крестьянка.

Заблудиться я не боялась, у меня все в порядке со зрительной памятью и чувством направления. Заблудившийся бытовой маг – это смешной анекдот, нам столько приходилось учить схем и чертежей, что любая наша девочка умела читать карты. Правда, Салли обычно держала их вверх ногами, но это уже издержки восприятия, куда нужно, она попадала.

Карту Берсебы я тут же купила в крошечной лавчонке, шириной чуть шире собственной двери.

Людей на улицах было крайне мало. Либо у них приня-

та сиеста, как в Валечиа, либо все горожане где-то в другом месте. Например, на рынке. Или в чайной, я уже прошла целых три заведения с нарисованными чайниками. В одной вдоль веранды был выставлен ряд разномастных прохудившихся чайников с высаженными в них цветами и пряными травами.

Жаль, я хотела рассмотреть наряды местных модниц, все же одно платье – явно мало для гардероба молодой девушки.

Я равнодушно прошла мимо таверны, откуда несло жареной рыбой и луком. Ага, зеленная лавка, бакалейная, сюда зайду на обратном пути, куплю лука, моркови и картофеля. С сарделькой тушеная картошечка будет самое то на ужин! Потыкав пальцем в крупный красновато-коричневый корнеплод на лотке, я засомневалась в его картофельности.

– Батат, донья, или кумара, – объяснил продавец. – Лиана, вьюнок такой. Есть сладкие сорта, десертные, овощные и кормовые. Сладче картофеля, больше похож на тыкву и морковь. Вам каких? Есть белые, желтые, розовые и фиолетовые клубни!

– Не хочу нести тяжесть, куплю на обратном пути, – решила я.

– Так я вам домой доставлю! Скажите адрес, мальчик принесет! – обрадовался продавец. – Возьмите по парочке разного сорта, я же вижу, вам любопытно!

Цена оказалась совершенно смешной, попробовать действительно хотелось, скоро корзина наполнилась разными овощами. Если тащить не на себе, то пусть будет запас.

– Нарезьте батат дольками, смешайте с оливковым маслом, паприкой, солью и любимыми специями. Выложите на противень в один слой и запекайте полчаса. Получается хрустящий снаружи и мягкий внутри, – заботливо посоветовал продавец. – Можно сварить, сделать пюре с молоком, сливочным маслом. Капелька соли, щепотка мускатного ореха и корицы – она отлично сочетается со сладковатым вкусом батата! А можно порезать ломтиками и пожарить с луком, посыпав карри и сбрызнув бальзамическим уксусом!

Разумеется, я купила у словоохотливого зеленщика и карри, и мускатный орех, и перец, и набор разных соусов. Все богатство обещали доставить к дому. Я предупредила, что иду гулять, посыльному и открыть будет некому.

– У нас не воруют, донья, – отмахнулся продавец. – Поставит корзину в теньке у порога. А вы из столицы? Блдененькая такая!

– Да, только кончила академию, я бытовой маг.

– О! О-о-о! Донья, если вам нужна работа..! – загорелись глаза продавца.

– Пока хочу отдохнуть немного, – улыбнулась я. – Острой нужды пока нет, посмотрю Берсебу и потом приму решение!

Мне тут же провозгласили, что красивее города нет во всем Кэллавейне, сюда меня привела судьба (а вовсе не чер-

ный маг), и обрадовали списком достопримечательностей, которые мне непременно следует осмотреть.

Пожалуй, тут живут очень общительные и доброжелательные люди. Все желали мне помочь, подсказать, проводить и направить. Я даже растерялась от такого напора поначалу. От очередного провожатого избавилась только применив заклинание острого перца. Бедняга расчихался и вынужден был меня покинуть.

Я спустилась к реке, стремительно несущей мутно-желтые воды к морю. Сплошные буруны и водовороты. На другом берегу возвышались неприступные скалы. Немногочисленные лодки вертело и бросало, как в шторм. Я поежилась. Тут должно быть, тонет прорва народу.

Розовые сумерки спускались на город, когда я нагулялась и вернулась к своему голубому домику. Ноги гудели, но душа была довольна.

– Донья! – позвала меня старушка, стоявшая у соседней калитки. – Это вы сняли домик донны Юджины?

– Да, наверное, – слегка растерялась я. Снимал-то маг, я не знала, у кого он арендовал дом. – Я Ирма Эль Тиман. Здравствуйте, донна.

– Надо же, такая молоденькая, а уже маг, – старушка недовольно пожевала губами.

Я ничего не сказала. Даже бровью не шевельнула. Часть населения, особенно из глубинки, боялись магов и старались с ними не иметь дел. Маги же! Обманут, заморочат, ограбят,

лишат чести и всего, нажитого непосильным трудом.

– Если вы что-то хотели передать хозяйке, то простите, не могу вам помочь, я с ней не знакома.

– Мужчина здесь вертелся, я видела. Уборщиц привозил, плотника. Любовник твой?

– Это мой наниматель. – Сухо ответила я. Любовник, надо же! А почему не жених, не муж? Сплетница в соседнем доме, надо же, какая неприятность. Плохо, вся улица будет знать о моих делах. Впрочем, пусть следит. У меня никаких секретов нет. Я же буду днем на работе. С другой стороны, сторож не нужен, мимо бдительной соседки мышь не проскользнет.

– Наниматель? Работать, стало быть, будешь? – старушка прищурилась. – Магом?

– Буду. – А может, и нет, какое ей дело?

– Будешь шуметь ночами или мужиков водить, стражу вызову!

– Я очень ценю покой и тишину, если вы будете его хранить, буду очень признательна, донна.

– Донна Кенард! Ты вот что, детка, коли вправду маг, сплети шапочку из медной проволоки и носи все время! – старушка даже перегнулась через калитку.

– А зачем?

– Так ведь рассадник этот под боком, растят мозгоклюев! Ты, как увидишь мальчонку или девчонку с фиолетовыми ромбами на одежде, так глаза в землю, голову вниз и не разговаривай! А то враз забудешь, как тебя звали, очнешься

незнамо где, невесть под кем! Вот соседкина дочь Кармела так попалась, пришла в себя токмо под мужиком!

– Ужас какой! И что же?

– Так ничему же дура не научилась! Третьего уже носит... без мужа, без венца!

Я покивала. Конечно, это юные менталисты виноваты, а как же. Больше ведь некому!

– Очень вам благодарна, донна Кенард! Сегодня же сплету шапочку! Мне не нужен внебрачный ребенок!

– Родители-то у тебя есть? Как они тебя в маги отпустили?

– Не пускали. – Сердце кольнуло обидой. Будто уйти «в маги» означало на дно жизни опуститься. Отец так и не простил меня за побег.

– Правильные, значит, люди, – подобрела соседка. – Силком забрали?

Спорить с полоумной старушкой не хотелось, я неуверенно кивнула. Уже поняла, что из каждого слова соседка намолотит десять снопов догадок и предположений. А потом будет сплетни сладострастно обсуждать с соседями.

– Что делают эти эмиссары, что творят! Вместо своего дома и детишек вкалывать будешь теперь, нутро иссушать!

– Уже ничего не поделаешь! Мне дворянство дали и в королевский реестр занесли.

Быстренько распрощалась с настырной соседкой и почти вбежала в дом. Корзина с овощами действительно стояла на веранде. Но разговор меня неожиданно обессилил, мне даже

ужинать расхотелось.

Все мысли были о Тармеле. Мой маленький братик! Помнила его вечно взъерошенные темные волосы, горящие очередной идеей глаза, тонкие руки. А теперь не исключено, что он выше меня, шире в плечах... и лицо наверняка изменилось. Стало грубее, тяжелее подбородок, резче скулы. Почему же я не спросила у этой старой сплетницы, где этот интернат? Мне наверняка должны разрешить свидание! Я же родная сестра! Мы дома никогда не обсуждали, но неужели родители ни разу его не навестили?

В интернате посмотрим, как пойдет разговор. Не буду накручивать себя и воображать всякие гадости. На это Салли была мастерица. А я – нет.

Тем более что мне завтра, во-первых, на работу, во-вторых, в городскую библиотеку. Что еще за дело мне приготовил странный черный маг? Ха, бытовой маг ему нужен! Вот и получит завтра по самое то самое...

В половине восьмого я была готова, как legioner к походу. Умытая, туго заплетенная, в рабочем комбинезоне, с укладкой инструментов и артефактов. Плотно позавтракала и с собой взяла перекус. Голодный маг – злой маг.

Экипаж подъехал вовремя. Я вспорхнула на сиденье.

– Прекрасного утра, доны!

– Рад вашему энтузиазму. – Мне сунули пачку бумаг и посоветовали ознакомиться. А, рабочий контракт. Почитаем.

Я погрузилась в чтение и не заметила, как мы прибыли в

сарай с «воздухолетом». Ничем особенным контракт не отличался, никаких скользких моментов я не нашла, и заключался он на год. Год, это с одной стороны, очень долго, а с другой стороны, очень мало. Смотря с чем сравнивать. Мне сравнивать было не с чем, пока дон Габриэль меня нигде и ни в чем не обманул.

Кстати, он ведь отлично знает, где интернат и как туда попасть, начисто из головы вылетело. Есть и провожатый, и пропуск! Я подписала контракт на коленке и умильно улыбнулась магу.

– А когда вы идете в интернат для ментатов?

– Нет, – тут же ответил он, сгребая бумаги.

– Да-а, – пропела я. – Вы же хотите, чтоб работа спорилась, а не стопорилась из-за миллиона мелких неприятностей?

По мелким неприятностям бытовые маги первые. По крупным тоже, но про это никто не знает. А мы, пока общались с Салли и Дженни, столько каверз придумали и провернули!

В общем-то, нелюбовь одноклассников ко мне была вполне обоснована. За руку никто не ловил, но подозрения у них были. Что тетради становятся ветхими не просто так, чернила проливаются, ручки теряются, ремни лопаются, пряжки расстегиваются, завязки рвутся, штаны трескаются по среднему шву, пыль так и липнет к ботинкам... много чего было!

Но мне необходимо было отрабатывать заклинания, что-

бы потом пересчитать их для Дженни. А ей нужно было как-то отбиваться от придворных. Как ментального мага ее ведь никто не учил, да и скрывала она свой дар изо всех сил. И навредить тоже боялась, не без этого.

Придворные гадючки такие, только спусти шипение, враг укусят! А когда у тебя шнуровка вдруг распустилась, шипеть некогда, надо платье хватать двумя руками, чтоб без него не остаться. На королеву теперь только с улыбками смотрят, знают, что косые взгляды чреватые.

Собственно, среди придворных магов хватает, и у всех есть защитные амулеты, мы опытным путем установили, что щиты пропускают именно самые мелкие импульсы, типа того же «консервного ножа». Вредоносными их не считают, что тому мощному стихийнику два-три микромагеля! Что слону писк комара. И бытовики не маги, а так, насмешка над действительно одаренными. Слабосилки.

Еще целительские пропускают, но там другая структура, мы в целительстве не сильны, у нас только курс первой помощи был. Но холодный компресс на лоб посреди бала тоже неплохо действовал, а для особо дерзких и непонятливых не на лоб, а ниже.

– Вы же не отстанете, донья? – обреченно спросил Габриэль.

Возмущенно на него посмотрела. Он что, брата бы бросил в такой ситуации? Даже не поговорил бы? Я не могу так поступить.

Прошло пять дней. Чистота в цехе была наведена такая, что кирпичи блестели.

Но я сильно подозревала, что скоро мастера попросят до-на Гэбри отвезти меня обратно. Они тут плевать-ся привыкли на пол, а я не разрешаю! Ругаться не разрешаю. В грязных сапогах заходить не разрешаю! Переобуваться требую. Фартуки заставляю в стирку отдавать и носить только чистые рабочие комбинезоны.

В углу цеха теперь постоянно бурлил стиральный бак, уютно стрекотала швейная машинка, а я шила пояса для инструментов. Сами-то они не догадались, что пояс с кармашками под всякий инструмент удобнее, чем трое подручных рядом, подающие нужное. Парикмахеры додумались, а инженеры – нет.

И инструмент теперь висел на стенках в строгом порядке. Отвертки отдельно, щипцы и кусачки отдельно, ключи отдельно. То есть, кроме меня, никто не мог найти ни винтиков, ни гаек, ни шайбочек, ни заглушек. Они же теперь по размерам лежат в мелких ящичках, которые я заставила ма-га сделать.

В общем, всю работу мужикам парализовала.

Потому что без грязи работа не идет и мысль не рождается. И смотреть противно на сверкание бликов в начисто отмытых окнах. А на подоконниках не банка с окурками, не жбан с пивом, а ящик с петуньями. Розовыми и лиловыми.

Как работать в таких условиях?

Ну, а что? Делаю, что могу.

К чертежам-то меня Сеймур все равно не подпустил. Не девичье дело чертежи разбирать. Будь у меня по начертательной геометрии даже десять, а не пять, все равно я понимать в этом физически не могу, потому что сиськи. Не мне читать форму предмета и его расположение в пространстве. Методы проецирования и комплексные чертежи подчиняются только бородатым, басовитым и могучим. Карандаш и транспортир не для слабых женских рук, а расчеты не для столь же слабого ума.

Слушать мне это надоело еще в первый день, поэтому спорить не стала.

Они же не знают, что у нас магоматику вел сущий зверь, магистр Ноллот. Вот его пол студента абсолютно не интересовал, а на попытку беспомощно хлопать ресничками он устраивал дополнительную контрольную. Никакой дискриминации! Бытовой маг обязан производить в уме расчеты с пятизначными числами со скоростью молнии, независимо от формы гениталий. Правда, и разным фокусам с числами научил.

Магистра очень бы обидело, если бы его ученицу кто-то счел неспособной посчитать количество люверсов на нужный периметр натяжного тента при условии, что люверсы быются через тридцать сантиметров.

Хаген, Мишель и Винки считали втроем в столбик и у них

получилось три разных числа. У мастера Крейга вышел четвертый результат.

Я весело зафыркала над ящиком с петуниями. У них были такие озадаченные лица!

– Вам весело, донья? – взвился мастер Крейг. – Сколько, по-вашему, выйдет?

– Сто двадцать два, мастер, – покладисто ответила я. – Хаген неверно посчитал периметр, пропустил одну сторону, Мишель не там поставил запятую, а Винки написал восьмерку вместо тройки.

– А я?

– А вы слишком грубо округлили. Поэтому вам не хватит двух люверсов придется бежать за новой пачкой.

Студенты дружно открыли рты и выпучили глаза. Дон Тобиас крякнул, подкрутил ус и начал считать заново.

– Верно. Сто двадцать два, – через десять минут сообщил он с удивленным хмыканьем. – Вы эти сложные расчеты в уме произвели?

Удивленно подняла брови. Сложные? Боги, что тогда простое для них, два плюс один?

– А еще вы неверно размещаете гондолу в центре вашей колбасы. Она шире в начале, поэтому гондолу надо располагать дальше от края, – добавила я.

– По чертежу точно в середине! – воскликнул Мишель.

– По чертежу ваш дирижабль ровный. Идеальный цилиндр. А на деле передний конец шире, чем задний, – объ-

яснила с закатыванием глаз. – Не верите, померьте объемы носовой части и хвоста.

– У судов нет хвостов, – процедил злющий Сеймур, возникая над плечом Винки. – Есть корма.

– А у птиц хвост есть, – возразила я и похлопала ресницами.

Всю оставшуюся половину дня вспотевшие, как мышцы под метлой, студенты мерили свой воздушный пузырь и вынуждены были признать, что склеили они его неровно. У них получился кабачок, а не цилиндр. Удивительно, как это они не заметили раньше? Это просто бросается в глаза.

Меня за такую выкройку выгнали бы с занятия по моделированию одежды! Я бы этим олухам не доверила сшить простейшие шторы-задергушки! Они же совершенно не чувствуют линий! Ни параллельных, ни перпендикулярных. Мой же наметанный глаз замечал разницу в два миллиметра.

Проверяли, и не раз. Если я говорила «криво», значит, криво! К третьему курсу со мной уже и не спорили, ворчали и отправлялись переделывать практическую работу.

Дона Габриэля сегодня в цеху не было. Уехал по делам. Ну, если он побежал в школу ментатов, а меня не взял! Тогда этот цех узнает, что такое рассерженная женщина! Все происходящее до этого им цветочками покажется.

– Донья Ирма, – к столу подошел Мишель, тщательно вытирающий руки ветошью. – А пойдемте сегодня вечером гулять? Вы же набережную не видели и башню Невесты.

Я дар речи на миг потеряла. Да он меня на пять-шесть лет младше! И считать не умеет, к тому же. Нет, что младше, это не повод для отказа, можно воспитать под себя. Но неумение думать... К тому же Мишель был такой же белокурый и кудрявый, как недоброй памяти Леонард, по которому я всю академию сохла.

– Я уже видела набережную, и башню тоже, спасибо, – ответила, стараясь не сжимать губы.

– Но как раз сегодня вечером Невеста падать будет!

Про циклический призрак, падающий с башни в годовщину своей смерти, мне еще в первый день в Берсебе рассказали. Бедную девушку принудили замуж за старика выйти, она и кинулась с башни. Что тут веселого или интересного? Я не некромант, мне такие зрелища не по душе. Но зевакам нравится, собирается целая толпа, поэтому призрак и не развевается, его подпитывает энергия зрителей. Устроили фестиваль из трагедии, специально едут посмотреть, целыми семьями с детьми.

Пойду домой и лучше пирог испеку. С рубленой индейкой. С заварным соленым кремом из яиц и зелени, с тонким нежным тестом, с толченым миндалем и пряностями. Я прямо воочию увидела круглый румяный пирог. Он сладковато-соленый, а этом его прелесть и необычность. Есть холодным, сидя на веранде в качалке. В Берсебе соленое не любят, везде суют перец, целыми ветками. Поэтому угощать никого не стану, все съем сама.

– Ирма, ты вообще когда-нибудь была веселой, румяной, смешливой девушкой? – спросил Мишель. – Ходила на танцы, веселилась?

– Нет, я всегда была занудой, даже в пять лет, – резко ответила я.

Это было неправдой. До того, как Лео меня бросил, я была нормальной и беззаботной девчонкой. А потом погрузилась в учебу и работу, чтоб не оставалось времени тосковать и плакать. Почему я до сих пор его вспоминаю? Он-то обо мне не вспоминает. И не думает. Плевать ему, что я в списке выпускников третья, а он всего лишь тридцать девятый. У него двоюродный дядя столичный бургомистр, так что устроился Лео точно неплохо.

– Так что, идем? – спросил Мишель, улыбаясь, а я поняла, что так погрузилась в свои мысли, что не слышала, что он бубнил.

Заморгала и переспросила: – Прости, ты что-то сказал?

Винки и Хаген покатались от смеха.

– Я же говорю, что она не слышит! – Винки положил руку на плечо Мишеля. – Отстань от доньи, она не для тебя.

– Точно, с ней от скуки умрешь, – пробурчал Мишель, бросая обиженный взгляд.

– Прости, Мишү, у меня настроения нет шляться по городу, – решительно отказалась, пресекая остальные попытки меня куда-то потащить. – Мне в библиотеку нужно.

– У нее настроение бывает только для стирки и уборки, –

буркнул Мишель. – В жизни не женюсь на бытовой магичке!

– О да, тебя заждалась боевичка с даром огня! – заржал Хаген. – С огромной жо... задницей!

– Могу подвезти, моя колесница к услугам доньи, – предложил Тобиас Крейг.

Натурально, колесница, мастер сам ее собрал на манер старинных, на двух колесах, и ехать в ней нужно было стоя. Но зато до библиотеки доберусь быстрее.

Я там была уже трижды, листала старые подшивки газет, но ничего интересного пока не нашла. Вот закончу с серьезными газетами и примусь за бульварные листки. Или надо было с них и начинать?

Мастер Крейг не лез с разговорами, за что я была ему признательна. До библиотеки доехали быстро, и распрощались до понедельника. Хорошо, что завтра выходной. Устала я от этого цеха, от нелепой конструкции, висящей на тросах, и от бурчания Сеймура, ревниво следящего за каждым моим шагом.

В библиотеке было прохладно и сильно пахло лимонной мастикой.

Мне тут же выдали стопку подшитых газет, и я начала их листать, проглядывая заголовки. Надо же, какая интересная жизнь шла в столице, пока я училась, не поднимая головы! Я решила поднять слой пятилетней давности, с момента поступления. Все-таки теперь на многие события у меня совершенно иной взгляд, я уже не та восторженная девочка, что

радовалась поступлению.

Хотя, технически, до сих пор девочка. То есть девушка. Тоже ведь проблема. Физиологически-магическая. Тоскливо посмотрела в окно.

С Лео у меня ни до чего серьезного дело не дошло, а потом я ни на кого не смотрела. Но Дженни советовала с этим не затягивать, все должно быть вовремя. Близость с мужчиной подстегивает развитие резерва, особенно, если партнер сильный маг. Салли после замужества чуть ли не вдвое стала сильнее, а после рождения малыша, так втрое, силу набрала. Сейчас она даже немного опережает меня, хотя у меня при поступлении было десять единиц, а у нее всего лишь четыре. Интересно, до двадцати смогу разогнаться? Только где же его взять, сильного мага, да еще и для такого деликатного дела.

Сеймур женат, что удивительно при его отношении к женщинам. И он не сильный, скорее, средний или чуть ниже среднего. Артефактор Саймон Дарри толстый, а для меня толстые мужчины – не мужчины. Магия дает долгую жизнь, красоту, подтянутое гармоничное тело. Раз он не в состоянии привести себя в порядок, значит, он крайне слабый маг.

Городской маг мне тоже не подойдет. Он, хоть вполне внешне благообразный и худощавый, но у него уже внуки женатые. А дона Габриэля я, как мужчину, и вовсе не рассматривала.

Во-первых, он черный маг. Во-вторых, у нас деловые от-

ношения, он мой начальник. Начинать ему строить глазки и соблазнять уже поздно, надо было с самого начала это делать, но тогда бы он меня не нанял. Я вообще не понимаю, зачем он меня привез, если честно. Но спать с начальником пошло и безнравственно.

Читальный зал был совершенно пуст, никто мне не мешал перелистывать тонкие хрупкие листы и размышлять о грустном.

В Берсебе жизнь была преимущественно вечерняя и ночная. Утром работают только рынки, ремесленники и мастеровые. Банки и присутственные места вообще работают только до обеда. С полудня открываются магазины и парикмахерские, салоны красоты, массажные и банные заведения. С двух часов дня до пяти в городе царит сонная тишина. А с пяти, как раз, когда мы кончали работу в мастерской, народ выползал на улицы, выносились столики и стулья, уличные жаровни и котлы на треногах, появлялись музыканты, фокусники и танцовщики, целая армия уличных торговцев с лотками. Горожане гуляют, ужинают, танцуют на площадях. В сумерках все деревья, увешанные разноцветными фонариками, светятся, и это очень красиво.

Поэтому мое уединение в библиотеке никто вечером не нарушал, и я была удивлена, услышав шаги. Много шагов.

В читальный зал вошла группа подростков лет двенадцати-тринадцати, три мальчика и две девочки. На них были свободные светлые брюки, белые рубашки и светлые длинные жилеты. Если это школьники, то форма очень удобная и подходит местному климату, отметила я. В столице это темные узкие пиджаки и неудобные строгие платья. Будто дети не должны двигаться, а обязаны сидеть, как статуи.

– Ой, тут кто-то есть! – удивленно сказал самый высокий из мальчиков. Он уже начал вытягиваться, и выглядел удивительно неуклюжим, с круглым детским лицом и длинными руками и ногами.

Недружно школьники пожелали мне доброго вечера, я вежливо ответила.

– Сейчас сбежит, – хихикнула девочка и повернулась к книжным полкам. На спинке ее жилета я заметила лиловый кант, выстроченный ромбом.

Такие же рисунки оказались и у остальных. Дети достали несколько книг, отнесли их к дальнему столу и начали шушукаться, тихонько пересмеиваться и шуршать тетрадями. Доклад какой-нибудь готовят.

Я улыбнулась и продолжила листать газету. Когда закончила, окна были темными. Ничего полезного не узнала. Собрала блокнот и карандаши в сумку и повернувшись, вдруг заметила пристальный взгляд одного из мальчиков. Он сел напротив моего стола, будто ждал, когда я обращу на него внимание.

– Донья, а вы нас не боитесь? – спросил он с удивительной прямоотой.

– А надо? – удивилась я.

– Надо, – серьезно кивнул мальчик. Остальные тихонько захихикали в углу.

– Ой! – до меня вдруг дошло. Лиловые ромбы! – Вы из школы ментатов, да?

– Да. А вы приезжая? Потому что местные при виде нас на другую сторону улицы переходят и творят обережные знаки, – фыркнул мальчик.

– А чему вас учат? – жадно спросила я, садясь обратно. –

Учиться интересно?

Остальные, видя, что я не шарахнулась, тоже подошли. Мы познакомились. Тармеля среди них не оказалось, и я немного огорчилась. У нас завязался оживленный разговор. Про предметы, расписание, чувства и ощущения, чтение мыслей и кинезис предметов, эмпатию и интуицию. Одна девочка, Лайса, оказалась с развитым аурным зрением и определяла эмоции по цвету. Нас такому обучали только на пятом курсе и то факультативно, мастером я точно не была. Это в основном целителям нужно, а мне резерва не хватало, если честно. Десять искр – не сорок, требуемых для поступления на целительский факультет.

Запуганными или наоборот, опасными, дети не выглядели, намного поколебавшись, я спросила, не хотят ли они домой.

– Мы немного скучаем по родителям. – Сказал Леммиан, чуть нахмурившись. – Но с ними... привычно и обыденно. Это ненужная инстинктивная привязанность, мы от нее постепенно избавимся по мере взросления. Так интересно, как здесь, дома не бывает. От примитивных реакций и растраты душевных сил надо избавляться.

– Мои меня боятся, – вздохнула Венди. – Я ощущаю вкус мыслей. У них такие прокисшие, неприятные эмоции! И куча разбегающихся намерений, будто клубок мышей с длинными запутавшимися хвостами. Осклизлыми, как сопли.

– Мне было бы очень обидно, если бы мой сын или брат хотели избавиться от моей привязанности, – возразила я. – Как же семейная поддержка, защита?

Я сразу поняла, что сказала что-то не то, потому что все дружно скривились. Ну да, наверное, они чувствуют себя невероятно одинокими, понимая скрытые мотивы и эмоции членов семьи. Вряд ли их сильно любили в семьях. Обычно-го ребенка можно отвлечь, переключить, а этот-то видит все родительские обманы и ухищрения, и режет правду в лицо. Несправедливо! Они же не виноваты, что родились с таким даром.

– У вас тяжесть на душе, – до моей руки дотронулся Дунстан, будущий целитель душ, как он важно представился.

– Да. Мне тоже одиноко в этом городе, – не стала запирается я. – На работе не все ладится. Дома что-то случилось неясное, и я не могу понять, что. Еще скучаю по своим подругам. Не могу забыть бывшего парня и выгнать его из моей головы. Он мешает мне быть свободной и замечать других мужчин.

– Разве можно столько чувствовать одновременно? – возмутился Лемиан. – Это же деконструктивно! Чрезмерная нагрузка на ментальные рецепторы!

– Для женщин это нормальный диапазон! – накинулась на него Лайса. – Они всегда так много чувствуют! Я вижу многоцветный клубок, преимущественно серо-сиреневый, с синеватыми прожилками. Это грусть и тоска, обреченность

и безнадежность.

— Они неприятно горчат, — чуть поморщилась Венди, кивнув.

— Простите, я больше не буду грустить, я и сама так уже решила, оставить прошлое в прошлом.

— Очень интересно! — кивнул молчаливый и самый старший в группе Аймар. — Мы очень благодарны донье за беседу, нам не часто выпадает пообщаться с человеком, который нас не боится. Это очень полезно для развития дара.

— Мне тоже было интересно. Знаете, что? Приходите ко мне в гости. Я живу на улице Победоносной армии, шесть. Голубой домик. Умею готовить и могу побаловать вас сладкими пирогами. Вам дают в школе сладкие пироги? А цукаты и мармелад?

Все без исключения облизнулись. Дети же!

— Мы придем, если наставник разрешит, донья Ирма, — поклонился Аймар.

Не знаю, почему я не назвала фамилию и не спросила о брате, вопрос висел на кончике языка. Чего проще спросить? Казалось бы, такая отличная возможность все узнать из первых рук! Ан нет, не спросила. Смолчала. Поосторожничала. Почему? Не знаю.

Но маги, не прислушивающиеся к своей интуиции, долго не живут.

Уж как я себя корила, упрекала и стыдила за трусость! Но не смогла. Язык не повернулся, и все тут.

Зато с удивлением обнаружила пропажу кошелька, блокнота и карандашей. Нет даже мелочи на извозчика. Ой-ой-ой, это десять кварталов идти пешком! Под разноцветными фонариками, но среди пьяной, сытой и веселой толпы!

Совершенно не помнила, вроде бы складывала все вещи в сумку. А если нет?

Помялась на крыльце библиотеки и решила вернуться. Может, библиотекарь одолжит мне пару медяшек на извозчика?

– А-а-а, донья! – обрадовался старичок библиотекарь. – Забирайте ваше добро!

На стойке лежали мой блокнот, карандаш, расческа, зеркальце, платок и кошелек.

– Да как же я так все оставила? – Недоумевала я, обзревая кучку вещей.

– Вы детей видели? – библиотекарь понизил голос. – Некоторые и не видят вовсе. Школьники тренируются. Отвод глаз, отвлечение внимания, ложная память... м-да. – Он пожевал губами. – Я всегда в каморке запираюсь, когда они приходят. Не хочу в себя придти посреди площади без штанов.

– И такое может быть?!

Обидно было – словами не передать! Аж в груди запекло! Я с ними, как с людьми говорила, а они... упражнялись!

– Не огорчайтесь, донья! Это они шутили. Забавлялись. Вы им понравились! – убежденно закивал старичок, подвиг-

гая ко мне блокнот. – Все имущество в целости? Конфетку съешьте, вот. После ментального воздействия всегда кушать хочется, и голова болит.

Осталось только поблагодарить доброго дона, сгрести свое добро в сумку и снова выйти на ночную улицу. Непроглядная темнота, душная влажность, смех и музыка – это берсебская ночь. С вездесущим запахом перца.

Одинокий рикша со своей тележкой дремал, опустив голову на скрещенные руки.

– Любезный! – тронула его за плечо. – Улица Победоносной армии, шесть.

– Да, донья, вас и жду, – кивнул он и потер ладонями лицо.

– Ждете? – я буквально шарахнулась.

– Заказали встретить донью из библиотеки, – рикша помотал головой и огляделся. – Так-то я на вокзальной площади стою обычно... задремал, должно быть, от усталости. Поехали?

Паршивцы! Вот паршивцы же! Вещи стащили, но зато рикшу убедили подождать меня здесь. Так бы пришлось до площади идти по узкому извилистому переулку. Ладно, не стану сердиться. Позаботились.

Однако понятно, почему люди шарахаются, а такие, как донна Кенард, откровенно боятся. Амулет от ментальной магии стоит очень дорого, вряд ли его тут можно свободно купить. Вот подделки да, тазами можно считать, и люди берут.

Саймон Мун Дарри такой амулет не осилит, больше чем

уверена.

Я – другое дело, три года, считай, у магистра Ямбира помогала, такое знаю, что вообще в академический курс не входит, только в очень узкие и специальные курсы для лицензированных мастеров-артефаторов. Архимаг Ямбир для военных работает, для разведки, для таких ведомств, про которые выпускницы-бытовички и знать не знают.

Ну, держись, мелочь пузатая, посмотрим, кто кого! Я потерла руки в предвкушении интересной работы.

Выходной наступил с птичьим гвалтом.

Птицам ужасно нравились плоды цветущей лианы, оплетающей веранду, поэтому рассвет, нормальное время птичьего завтрака, встретил меня резкими переливчатыми воплями.

– В суп вас, – проворчала я, натягивая на ухо подушку. Не помогло. Казалось, наглые пернатые делят крупные коричневые ягоды прямо в спальне. Пришлось разлеплять глаза и вставать.

Чашечка кофе, хрустящий поджаренный хлеб с творожным сыром, завернутый в лист салата, и я готова к подвигам! Мне дон Габриэль подъемные в пятницу выдал, тридцать далеров. Я почему так ужаснулась пропаже кошелька: потому что не выложила часть своих богатств, не перепрятала в другое, потайное место! А ведь пришила, пришила кармашек к панталонам, и в платье с изнанки тоже есть... Дурочка. Не ожидала нападения в библиотеке от детей.

Так, волосы в высокий узел, газовый шарф, прикрыть плечи и голову, и на улицу. Такой влажной жары, как днем, еще нет, даже прохладно.

Извозчика я отловила на набережной и покатила на Ремесленный рынок.

Рынок, как ему и положено, кричал, бурлил и вонял. Жареным луком от переносных жаровен, где продавцы жарили, а покупатели торопливо поглощали лепешки с сыром, лапшу с яйцом, мясные свитки, все с перцем, само собой, что за рынок, где не пахнет пряностями? От лавки торговца ароматами шла удушливая волна розового масла и миндаля.

Я повернулась на пятках, огляделась и направилась в вещевые ряды.

В Берсебе жить – значит, одеваться, как местные. Легкие туники с широкими штанами, просторные многослойные платья из полупрозрачных тканей, опять же, с шароварами, яркие юбки с орнаментом из птиц и цветов, парчовые жилетки, меняющие цвет при изменении угла наклона, тончайшие накидки с капюшонами, шифон, газ, муслин «сотканый воздух», длиннющий отрез которого продавец просунул при мне в кольцо, кисея, жатый ситец сирсакер, чередующий рыхлые и гладкие волокна, не прилипающий к вспотевшей коже, нежнейший батист, шелк с золотой нитью, вышивка, пайетки, бахрома и стеклярус погребли меня.

Вывалась я через пару часов, одурев от многоцветья красок и криков торговцев, но став счастливее на три платья,

юбку с туникой и пару широченных штанов, при взгляде на которые было неясно, юбка это или все же штаны. Еще в мой гардероб добавились легкие плетеные сандалии, атласные туфельки, шитые речным жемчугом и широкополая шляпа из отбеленной соломки. Невесомые, но пышные воздушные платья заняли холщовый баул. Действительно, берсебские ткачи лучшие в мире, вся одежда при плотной укладке вместились бы в дамскую сумку. С баулом я направилась уже на Механический рынок.

Да-а-а, приют фанатиков механики должен выглядеть именно так!

На входе меня встретили две гигантские шестеренки в три человеческих роста, цепляющие зубцами друг друга и заставляющие работать огромный вентилятор, свисающий с арки ворот. Лавки, магазинчики, развалы просто на земле, где на пеленках, одеялах и старых газетах громоздились детали и различные механизмы разной степени заржавленности.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, я набрала запас пружин, винтов, медной и стальной проволоки, вставочек под накопители и цепочек. Купила маленький маг-сварочник на кристаллах, кучу мелких накопителей, гравер и несколько полированных бронзовых плашек. Повздыхала над плашками из электрума, природного сплава серебра и золота, но они кусались. Так больно кусались! У меня хватило бы денег разве что на четвертинку одной плашки, а мне

их нужна была минимум дюжина, чтоб нанести нужные руны и обезопасить себя и дом.

Себе для постоянного ношения сделаю кулон на цепочке. Или браслет. Еще не решила.

Для этого мне пришлось хорошенько потрясти ювелиров. Тут любили камни яркие, огромные, если сапфир, то падпараджа, розово-оранжевый, желтый, если алмаз, то синий или звездный, стоило это соответственно так, что глаза на лоб лезли. Мне же нужны были полудрагоценные и поделочные камни, скромные, крошка и обой. Мелочь, с которым уважающие себя мастера не свяжутся. Искомое нашлось в шестой по счету лавке на задворках рынка.

Курс минералогии нам читали три семестра, в камнях я разбиралась, как и все образованные маги. Надо же знать, какую нагрузку выдержит кристаллическая решетка камня и сколько в него можно будет слить маны! Закрепится ли заклинание, и как долго будет держаться.

Я зарылась в лотке с россыпью мелкой разноцветной гальки.

Черный турмалин поглощает негативную энергию и стабилизирует эмоциональный и ментальный фон, аметист гармонизирует и очищает, в академии его использовали для углубления медитаций. Почему тут драгоценный камень? А, трещинка, ничего, поправить можно, придав другую форму. Дымчатый кварц снижает тревогу и страхи, помогает навести порядок в голове. Розовый кварц укрепляет внутреннюю

стабильность, сохраняет равновесие. Лунный камень помогает осознать происходящее и не поддаваться панике. Вот их и наберу.

Пожалуй, все-таки браслет. Связка разных камней на одном шнурке будет выглядеть глупо и странно, а придать им приемлемую ювелирную форму я не сумею, не художник. Ожерелье или брошь на заказ слишком дорого обойдется, от этой мысли пришлось отказаться.

Многие маги-мужчины носят украшения-амулеты целыми связками, это не делает их менее мужественными. Серьги, кулоны, кольца, браслеты, у магов вообще не бывает простых украшений. Вопрос только в состоятельности отдельно взятого мага. А моя состоятельность явно недостаточная для золота и рубинов, изумрудов и радужных сапфиров.

Значит, сделаю браслет из цепочек, так обожаемых берсебцами, а камни вставлю в тонкие пояски из металла, это я смогу. Подточить камень тоже смогу, ошлифовать, даже огранить при желании, у магистра Ямбира был отличный гранильный станок, мы все научились на нем работать. В це-хе тоже есть.

В результате набрала целый кистет разных камушков и простых серебряных цепочек. Крупные камни дороже, поэтому и обошлось все не так уж дорого.

Крайне довольная, вернулась домой.

Как раз солнце взялось жарить сквозь дымку облаков, улицы стремительно пустели.

У меня и дома дел полно. Сначала небольшая уборка, а потом готовка. Я уже представляла румяные пирожки-полу-месяцы, обсыпанные сахаром, со сладкой творожной начинкой с сельдереем и рубленой зеленью.

Пока развешивала новые платья в шкаф, мысли снова привычно съехали на Леонарда. Что бы он сказал, увидев меня в таком необычном наряде?

Не будь я так удручающе провинциальна со своими принципами, Лео бы меня не бросил. Это ведь я отказывалась ему уступить и доказать свои чувства, потому что любовь без свадьбы для меня была из разряда немыслимого поведения. Невозможного и неодобряемого.

А какая свадьба на первом курсе между желторотыми студентами? Сначала надо с родителями познакомиться, обсудить приданое и материальные вопросы, накопить денег на приличное торжество. В Гедарефе так женятся. Иногда после помолвки и три года свадьбу не играют: то коров у невесты мало, то у жениха к дому веранда не достроена.

«Нет, бросил бы», – возразила сама себе. Только поиграв пару месяцев. Он же перебрал чуть ли не всех наших девчонок и целительниц. Тогда мне было бы еще хуже. Плевать, что у магов другие нравы, им плотские утехы помогают резерв наполнять, никто не осуждает за добрачные связи ни парней, ни девушек. Хоть каждую неделю новую любовь заводил.

Я девушка порядочная. Вот и сию со своей порядочно-

стью и принципами одна. Дженни тогда мне сказала, что лучшее лекарство от разбитого сердца – это другой мужчина. Приглашала на маскарады во дворец, знакомила с молодыми дворянами. Только мне никто не понравился так, чтоб захотелось в постель лечь.

Живя в деревне, знаешь, как происходит процесс, но у людей же как-то иначе? У животных инстинкты, а у людей? Я о постели только со слов Салли знаю. Да и то, кроме закатывания глаз и восторженных вздохов, ничего конкретного. Двадцать два года, у других по трое-четверо детей в таком возрасте. Скажут со смехом, что в монахини собиралась, целомудрие блюла.

С теми, кто не блюл, с легкомысленными, свободными и ветреными студентками я не общалась, вот и осталась дура дурой. И что теперь делать?

Выходной оказался слишком коротким. Зато он будет каждую неделю. Когда Дженни работала у магистра, у нее было два выходных в месяц. Дон Габриэль хороший работодатель, не скажешь, что он выжимает из сотрудников все соки.

На следующее утро я снова поехала в цех. В новом наряде, шифоновой малиновой тунике и штанах. Парни быстро поздоровались и снова вернулись к обсуждению чего-то интересного, судя по взрывам хохота и покрасневшимся лицам. Вот кто провел выходной куда веселее, чем я, подумала

мельком.

Хмурый Сеймур разогнал шумную компанию, загнав одного с заклепочником в гондолу, а двух других студентов под нее, проверять швы. Сам ходил рядом и покрикивал. Саймон что-то обжигал в муфельной печи.

Я устроилась у верстака и взяла гравер. Руны «покой», «тайна», «мир», «тишина», стандартный узор защитного орнамента послушно ложились на бронзу.

– Глянь! – Мишель заорал над ухом, и я чуть не дернула рукой. Всю плашку бы испортила.

– Ты обалдел, под руку орать? – напустилась на парня. Вдруг обратила внимание, что остальные стоят вокруг, открыв рты. – Чего глаза вылупили?

– Ты что же, руны знаешь? – Хаген подхватил плашку и поднес близко к глазам.

– Здравсьте! А ты нет? – удивилась я. Рунистика три года идет, с первого по третий курс, с зубодробительным экзаменом. Попробуй тут не знать! Вылетишь пташкой!

– Откуда бы? Я не маг, – Хаген опустил бляшку на верстак, скривив рот. – По мне, так закорючки похожи. Чем вот эта от соседней отличается?

– Почему отвлекаетесь? – крикнул Сеймур.

– Она руны режет, что колбасу! – тут же пожаловался Хаген.

– А в чем дело? – сижу в углу, никому не мешаю, под руку занятым мужчинам не лезу, в чем проблема? Сказали не

мелькать, я не мелькаю.

Сеймур лениво подошел. Из-за его плеча выглянул Саймон. Каждый схватил по бляшке и начал ее придирчиво рассматривать.

– Ирма, это что? – потряс бляшкой Сеймур.

– Защитка для дома. Одна живу, боюсь. Никто не войдет и вреда не нанесет, – закатила я глаза. На самом деле не совсем так, блок на магию разума рассчитан. Но мастера, похоже, в рунах ориентировались крайне слабо, потому что переглянулись с полными изумления глазами. – Что?

– погоди! – Саймон метнулся за толстым справочником и открыл его на закладке. Ткнул пальцев в руну. – Так... это вот «человек»?

– Это мир. Все внешнее снаружи от человека, – подсказала я.

– А это? Урожай? Богатство?

– Это покой. Внутренняя пауза, замирание, отсутствие помех. Вы разве не видите, куда черта идет с крюком? Влево! Богатство правым крюком гребут.

Лицо Крейга покраснело. Он выхватил справочник из рук Саймона и грохнул его об верстак.

– Ты почему не сказала, что руны знаешь? – заревел он, как разъяренный иглохвост. – Мы за составление ставов умельцу по триста далеров отваливаем, а ты молчишь?!

– Разве вы спрашивали? Вас мои познания не интересовали, – я задрала подбородок. О, мне есть, что сказать в ответ!

– И ровненько как! – восхищенно прицокнул языком Мишель. – Смотрите, мастер, совершенно одинаково вырезано, будто не рукой, а штампом делали!

Я тихонько фыркнула. Каллиграфия не роскошь, а необходимый предмет для развития точности и твердости руки. Координация, концентрация, внимательность, пространственное мышление, способность к анализу и синтезу. Да это один из моих самых любимых предметов был! Как погрузишься в фулирскую иероглифику, так про Лео забываешь, не грустишь и не тревожишься.

Как ритуалы проводить без знания нужных символов? Там, извините, в одной черте ошибешься, так вместо повышения урожайности обзаведешься кудрявой бородой до пола. Вместо благодатного дождя нашлаешь хронический насморк на всю деревню. В учебнике много таких примеров приведено.

– Ха! – громко сказал Винки. – А хозяин-то знал, кого привезти! Теперь дело пойдет!

Мишель и Хаген с широкими улыбками начали радостно пихаться локтями.

– Это еще ничего не значит! – сварливо возразил дон Сеймур и зашарил в кармане. Вытащил сложенную вчетверо бумажку из плотной коричневой бумаги. – Вот! Прочти-ка, раз такая умная! Прочти!

– «Перед началом работы проверьте средства индивидуальной защиты: очки, плотную закрытую одежду, обувь.

Нельзя работать без перчаток и оставлять станок включенным. Перед первым запуском снимите антикоррозионное покрытие и выровняйте станок по уровню», – прочитала я и подняла глаза на дон Сеймура. – А, про эти инструкции говорил дон Габриэль?

– Чешет, как по-написаному, – восхищенно толкнул Мишель Хагена.

Дон Сеймур недовольно поджал губы.

– А еще какие языки знаешь? – спросил Тобиас тоном первоклассника.

– Фулирский, чапильский свободно, катабский со словарем. Дон Малакаль спрашивал про языки, когда нанимал меня на работу, сказал, нужно будет переводить инструкции.

– Вот же! – присвистнул Винки.

– Разошлись! – рывкнул Сеймур. – Столпились тут, как на рынке!

Пачка разрозненных бумажек легла на верстак. Замызганных, замасленных и помятых, частично надорванных. Кажется, некоторые топтали в ярости ногами. Точно, вот полукруглый след от каблука. Такое в руки брать, себя не уважать. Щелкнула пальцами, убирая загрязнения и заломы. Другое дело.

– Переводи, – прошипел дон Сеймур. – Сидит тут, рюшечки шьет! А мы бьемся без толку!

Ласково улыбнулась инженеру. Кто же ему виноват, что он языки не учил? Точно не я. И с даром ошиблась. Он не

средний. Он слабый, даже, наверное, слабее меня. Потому и подался в техномагию, что с техникой у него получается лучше, чем с магией.

Вредный инженер бдительно следил, чтоб я не отлынивала, поэтому защитки пришлось доделывать после окончания рабочего дня. Вышла я из цеха только в восемь. Конечно, ни извозчиков, ни рикш, все мастеровые уже давно разъехались по домам, придется идти по ужасно длинной улице между унылых заборов одной.

Шла и думала. Что-то обрадованным дон Сеймур не выглядел, что ему выпало такое сказочное подспорье в моем лице. Наоборот, разозлился. А если он раньше платил постороннему рунисту такие деньжищи, то не потому ли, что половину себе прикарманивал? А теперь жирный источник дохода накрылся? Триста далеров с каждого става! Немыслимые деньги! Даже по меркам столицы невысказанные. Хороший, грамотный став стоит далеров семьдесят. До ста, в зависимости от сложности. Но никак не триста. Правда, рунистов в столице много, а в Берсебе хорошо, если парочка найдется. А может, и вовсе нет, что им тут делать? Ездить приходится в Саракувису, или в столицу, в обе стороны двое суток, выбирай, что слаще.

И дон Габриэля снова весь день не было.

Такими темпами его бестолковые работнички и за год воздухолет не сделают. А он что-то говорил про техномагическую выставку в ноябре.

Я выбралась из ремесленного района и поняла, что живот давно прилип к спине и жалобно урчит. А дома, кроме пирожков, ничего нет. Омлеты и яичницы для слабаков, мне бы сейчас чего посущественней.

Вечер, как раз открылись все питейные и питательные заведения, осталось только выбрать, откуда пахнет вкуснее и поесть на свежем воздухе, следуя берсебской традиции. Я прошла до набережной и присмотрела ряд столов под полосатым тентом. Столы выскобленные, фартуки у подавальщиц чистые, авось не отравят. И народу сидело много.

А там, где много народу, обычно вкусно и недорого.

Жареная куриная нога с рисом ласкала мой изголодавшийся нос своим ароматом. Правда, ананас и кусочки манго в рисе показались мне лишними, но не мне соваться на чужую кухню. В Катабии в рис чего только не добавляют, и кукурузу, и орешки, и изюм с курагой, и чернослив, и инжир...

Наперчено было от души, как минимум, в блюдо пошла ложка острого перца и ложка душистого. Без заказа на стол поставили закуски – маринованный имбирь, квашеную капусту, репу, крохотные острые перчики и кувшин овощного отвара. Удивляюсь, как я не закапала слюной столешницу.

На несколько минут я выпала из жизни, глядя только на жареную курицу. Затем начала прислушиваться к разговорам. Десерт, так сказать. Раз я сегодня не попала в библиотеку, то послушаю местную сводку новостей.

Кто-то собирался жениться и торговался за приданое, кто-

то решил продавать дом, у кого-то заболел ребенок. Простые и понятные разговоры. Лично для меня совершенно бесполезные.

— А я говорю, надо всем собраться и пойти к бургомистру! — кто-то громко хлопнул ладонью об стол. — Чтоб убрали этот рассадник из нашего города!

— Чем тебе детишки помешали? — отозвался кто-то благо-разумный.

— Это разве детишки? Это демоновы отродья! Моя дочь, как с одним поговорила, как с ума сошла! Говорит, поеду учиться в столицу, у меня дар! А какой там дар, бабское дело замуж выйти и рожать мужу наследников!

— А ты что?

— А что я? Выпорол. Запер, понятно, под замок, на хлеб и воду. Плачет.

— погоди, но сокрытие дара подсудное дело! Если не учить, так она полыхнуть может, весь дом тебе спалит, и сама погибнет.

— Моя дочь, мне и решать! Захочу, вообще катябцам в гарем продам, пусть там вякает про учебу, ей там живо отобьют стремление к знаниям! Пусть учится, как мужу угодить!

— Глупости! — вступил третий. — Я вот своего хорошенько отдубасил, чтоб не якшался с паразитами из интерната, неделю сесть не мог! Все, молчит, в лавке помогает, про учебу не заговаривает больше.

— Мда, был монастырь, а сделали рассадник пакости та-

кой...

Маринованный перчик застрял у меня в горле. Я аккуратно положила хвостик в пустую тарелку.

– Эй, девка! – любящий папаша вдруг обратил на меня внимание. – Сюда иди, я тебе вина налью, а ты меня убажишь в подсобке!

Все одобрительно засмеялись и застучали кружками.

– Не стесняйся, четыре далера дам! – разошелся купец.

Ну, судя по одежде, купец. В Берсебе очень важно показать статус, а это цвет одежды, длина, наличие украшений, меха и вышивки. Остроконечные колпаки, обмотанные вокруг головы длинным шарфом, носили как раз купцы. Холеная борода, умащенная благовонным маслом, затряслась от смеха.

Я посмотрел прямо на него и зажгла на поднятой ладони огонек.

– Ой, магичка, – тонко и жалобно сказал кто-то из клиентов. Подавальщица замерла с подносом. Стало тихо.

Огонек весело спрыгнул и побежал по столу. Перемахнул на соседний. Добрался до купеческой бороды, которая тут же весело затрещала, распространяя запах розария. Горелого розария.

– Если ты, мразь, завтра же не отправишь дочь на учебу, с деньгами и нормальным багажом, я весь твой шерстяной склад на пузе спалю! Как раз прием идет в академию, самое время. А ты только посмей еще раз мальчишку тронуть! –

я перевела взгляд на второго заботливого родителя. – Мало не покажется. Вы же налоговые льготы получаете, как члены семьи магически одаренного?

– Это незаконно! – завизжал кто-то. – Стража!

Большая высокая кружка с пивом опрокинулась крикуну на голову.

– Всем все ясно? – Я обвела едальню суровым взглядом. Все закивали. – Девушка, получи! Очень вкусно было, спасибо!

Я положила монеты на стол и удалилась с прямой спиной и не оглядываясь. Никогда не думала, что мне придется запугивать обывателей. Но разве можно такое стерпеть? Кстати, кружка – это не я. И не подавальщица.

Посмотрела по сторонам, в колышашиеся тени.

– Выходите! – громко сказала. – Трудно, наверное, столько времени глаза отводить!

Рядом тут же возникла Лайса и взяла меня за руку.

– Ирма, как ты их! – восхищенно сказал она. – Вот что значит, настоящая магия!

– А у нас что, не настоящая? – зашипел, появляясь из теней, Аймар.

Я уже испугалась, что девочка бродила по ночному городу одна.

– Мы могли бы убедить его, что его борода горит, – сказала Лайса. – Но на самом деле она бы не сгорела.

– Так ведь надо было напугать, какая разница, каким об-

разом. Аймар, ты кинетик? Кто кружку опрокинул?

– Думал, сдохну, она такая тяжелая оказалась! – признался парнишка.

– Вот не надо было пупок рвать! Для облегчения веса есть простая формула! Вам руны дают? А мудры³ вы проходили? Дети закивали.

– Смотрите, пальцы сложить так, средний крючком над указательным, безымянный под ним, средние, мизинцы и большие пальцы соединить. Дистих такой: «Что казалось неподъемным, очень тяжким и объемным, вверх взмывает до небес, потеряв объем и вес!». Пальцами контролируете плетение. Только осторожно с высотой, а то правда отправите груз до облаков, зря только ману потратите.

– У-ля-ля, – зачаровано прошептала Лайса, сложив пальцы корзиночкой. Под ее взглядом подгнивший кокосовый орех поднялся, покружился и с плеском обрушился в реку.

– Это бытовая магия? – с подозрением спросил Аймар.

– Быт – это все вокруг нас, – я развела руками. – Комфорт, уют, удобство, благополучие. Это самая востребованная, самая необходимая магия в мире!

Лайса завистливо вздохнула.

А вот к наставникам детей у меня возникли вопросы. Почему малолетние маги бегают в темноте по улицам недруже-

³ Мудра – положение кистей и пальцев в йоге. М. применяют во время медитации или дыхательных упражнений: разные комбинации помогают направить поток энергии, повлиять на состояние ума или сбалансировать элементы внутри организма. У каждой мудры есть своё название и смысл.

любно настроенного города?

На перекрестке дети исчезли, растворившись в тенях, посмеявшись над моим предложением проводить их.

Я потопала домой, вспоминая главы магического уложения и прикидывая, что мне светит за поджог чужой бороды. Угрозы, опять же, публичные, демонстрация силы неодаренным... нехорошо вышло! Как минимум, штраф и общественно-полезные работы. Могу до полугода тюрьмы схлопотать, смотря, как будет настроен судья. Правовед академии на уроках магического права советовал не признавать вину ни при каких условиях... пьяна была, в аффекте, не помню, это вообще не я, и так далее.

Но утром меня разбудила не стража, а птичий ор. Разница была приятной. Пожалуй, я этим визгливым проглотам даже крошек насыплю.

Ну, что же, подождем. А мне на работу пора.

Восьмилапа лысого я на работе еще раз задержусь! Сеймур в мое положение не входит, ну и я ему сочувствовать не собираюсь. И переводить буду по ложке в час. Не нравится – словарь в руки, блокнот в зубы. Я бытовик, мастер красивых десертов и крахмального белья, мне слова шкив, шток, ресивер и ступенчатая передача даже знать не положено!

Сеймур злился, я задумчиво смотрела в бумажки, студенты хихикали, а Саймон старался примирить все стороны, но у него плохо получалось. Бардак продолжался до обеда, по-

том появился дон Малакаль, и все сразу перешло в деловое русло: движения обрели точность, у кое-кого из механиков даже мелькала осмысленность во взгляде и понимание процесса.

Так что к своим амулетам я вернулась, совершенно не скрываясь. Дон Сеймур попытался привлечь ко мне внимание дона Малакаля (ябеда!), но хватило одного моего вопроса вслух, чтоб он заткнулся. Я с невинным видом спросила, сколько в Берсебе рунистов и какие у них расценки. А что, после работы могу подработку брать, раз тут такой дефицит специалистов.

– Донья Ирма, – возмутился дон Малакаль. – После работы вы должны полноценно отдыхать, а не тратить силы на посторонние заказы!

– Как скажете, вы – хозяин, – покладисто ответила я, возвращаясь к шлифовке турмалина. Теперь у меня нет сомнений, Сеймур ворует, и ворует много, пользуясь частыми отлучками хозяина. И ни иглохвоста лысого не понимает в этом проекте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.